

Гильбердинг, А. 15/8

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ

И

ЕЯ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ.

Мнѣ давно хотѣлось побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы. Въ особенноти манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашелъ П. Н. Рыбниковъ. Самъ Пав. Ник. поощрилъ меня къ поѣздкѣ въ этотъ край, подавъ надежду, что она можетъ быть не бесполезна и послѣ его работъ; онъ съ величайшею обязательностью сообщилъ мнѣ практическіе совѣты, извлеченные изъ опыта десятилѣтняго пребыванія въ Олонецкой губерніи. Имѣя передъ собою два свободныхъ мѣсяца нынѣшнимъ лѣтомъ, я расположилъ свою поѣздку такъ, чтобы посѣтить мѣстности, которыя были мнѣ указаны г. Рыбниковымъ, какъ пребываніе лучшихъ «сказителей», именно Сѣнную Губу и Кизи на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Толвуи на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро въ сѣверо-восточномъ углу Пудожскаго и такъ-называемую Мошенскую сторону въ сѣверо-восточномъ углу Каргопольскаго уѣзда. Кромѣ того, предварительно переѣзда въ Сѣнную Губу, я изъ Петрозаводска заглянулъ въ Горскій погостъ и Мелую Губу; потомъ изъ Толвики переѣхалъ въ Повѣнецъ и оттуда сдѣлалъ экскурсію черезъ Масельгу на Выгозеро и въ Даниловъ; а на Кенозеро

поѣхалъ не прямымъ путемъ изъ Пудожа, а черезъ Сумозеро и Водлозеро. Эту длинную дорогу зигзагами, начатую изъ Петро-заводска 30-го іюня, я окончилъ въ Вельскѣ 27-го августа.

Я изложу съ нѣкоторою подробностью результаты моей поѣздки по отношенію къ предмету, который меня занималъ спеціально, именно народной эпической поэзіи; но какъ Олонецкая губернія и особенно сѣверо-восточная ея часть вообще мало извѣстна, то предпошлю этимъ спеціальнымъ замѣчаніямъ нѣсколько словъ, чтобы сказать общее впечатлѣніе, какое этотъ край произвелъ на меня. Общее впечатлѣніе—и тяжелое и вмѣстѣ отрадное. Отраднo видѣть сѣверно-русскаго крестьянина этой мѣстности (другихъ не знаю и о нихъ не говорю), отраднo видѣть его *самого по себѣ*; тяжело видѣть обстановку, въ которую онъ поставленъ природою, еще тяжеле ту, въ которой держитъ его масса сложившихся и наслоившихся недоразумѣній. Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти. Самый бѣдный крестьянинъ, у котораго хлѣба не достаетъ на пропитаніе, и тотъ принимаетъ плату за оказанное одолженіе, иногда сопряженное съ тяжелымъ трудомъ и потерей времени, какъ нѣчто такое, чего онъ не ждалъ и не требуетъ. Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 15 къ-ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и своей прирожденной шутивости. Приученный большинствомъ мѣстнаго чиновничества къ крайне безцеремонному (чтобы выразиться помягче) обращенію, онъ относится къ этому съ изумительнымъ добродушіемъ и не обнаруживаетъ ни тѣни недовѣрія и неприязни къ нашему брату, человѣку привилегированнаго класса, хотя ему доводится имѣть дѣло только съ самыми непривлекательными его экземплярами. При первомъ признакѣ человѣчнаго съ нимъ обхожденія, онъ такъ сказать расцвѣтаетъ, дѣлается дружественнымъ и готовъ оказать вамъ всякую услугу, но между тѣмъ никогда не впадетъ въ тотъ тяжелый тонъ грубой, безтактной фамиллярности, отъ котораго не всегда можетъ удержаться простолудинъ на Западѣ, когда съ нимъ захочетъ сблизиться человѣкъ изъ болѣе образованнаго слоя общества. Что касается матеріальной обстановки сѣверно-русскаго крестьянина и его экономическаго быта, то для сужденія о томъ потребовались бы совсѣмъ другія изслѣдованія чѣмъ тѣ, каковымъ я посвятилъ свое время въ эту поѣздку. Ограничусь только самыми общими замѣчаніями. Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у

Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ обширнымъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озера, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ только для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказывается въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка: у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телѣга. Телѣга не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣ Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣе, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возятъ что нужно и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ) или же на волокахъ, т.-е. оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ сообщеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными безъ желѣзныхъ шинъ колесами, таратайки, передъ которыми здѣшнія чухонскія кажутся усовершенствованнымъ экипажемъ.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственно-прибыльныя работы — распахиваніе «нивь», т.-е. полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможные другіе заработки: потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «польсуетъ», т.-е. стрѣляетъ и ловитъ дичь и т. д. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова.

И что особенно грустно, это слышать единогласно и повсемѣстно и видѣть несомнѣнные признаки, что тамошній народъ бѣднѣеть, что положеніе его ухудшилось въ послѣднее время противъ прежняго. Это благодаря нашей братьѣ бюрократамъ. Кому-то изъ нихъ пришло въ голову, что интересъ казны требуетъ охраненія лѣсовъ нашего Сѣвера отъ крестьянъ, которые распахируютъ въ нихъ свои «нивы». Подсѣчное хозяйство было сочтено за неправильное, хищническое, варварское; забыли только, что безъ него тамъ жить нельзя; что только свѣжая лѣсная земля даетъ въ этомъ климатѣ урожай, окупающій трудъ; что распахируются только такія мѣста, на которыхъ растетъ мелкій березовый и ольховый лѣсъ, никуда не годный, а цѣннаго лѣсу не трогаютъ, по той простой причинѣ, что земля, на которой растетъ сосна и лиственница, подъ посѣвъ не годится; что наконецъ полянки, которыя крестьяне въ силахъ распахать, составляютъ самую микроскопическую величину въ безконечности тамошнихъ «суземковъ» — поросшихъ лѣсомъ безлюдныхъ пространствъ, раздѣляющихъ поселенія на нашемъ Сѣверѣ. Нѣтъ, казенный интересъ превыше всего, а казенный интересъ требуетъ-моль охраненія лѣсовъ. И вотъ крестьянскія расчистки были обставлены такими стѣсненіями, что при добросовѣстномъ и «неусыпномъ» исполненіи на мѣстѣ предписаній населеніе цѣлыхъ волостей вдругъ лишалось главнаго средства пропитанія, и крестьяне благословляли судьбу тамъ, гдѣ исполнитель позволялъ себя усыплять.

Это одно изъ проявленій бюрократической опеки на нашемъ Сѣверѣ. Но есть проявленіе болѣе общее и также неотрадное, хотя оно не такъ ощутительно въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно, что всѣ крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи принадлежатъ къ разряду крестьянъ государственныхъ. Какіе были ихъ внутренніе распорядки въ прежнія времена, не знаю; но со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ они попали подъ непосредственную чиновничью опеку. Хотя имъ предоставлялись всѣ формы выборнаго общественнаго самоуправленія, но въ сущности вся власть передана была въ руки окружнаго начальника, и выборные головы и расправы стали только исполнителями его приказаній. Это до такой степени отучило тамошнихъ крестьянъ отъ серьезнаго отношенія къ своему общественному управленію, что и въ настоящее время, когда опека снята, они слишкомъ недовѣрчиво смотрятъ на данныя имъ права, считаютъ мирового посредника такимъ же начальникомъ, какимъ былъ окружной, и неохотно идутъ на общественныя должности, видя въ нихъ однѣ только

хлопоты и отвѣтственность. По всей вѣроятности, пройдетъ цѣлое поколѣніе, пока изгладится этотъ мертвящій слѣдъ прежней чиновничьей опеки.

Но гдѣ слѣды бюрократическихъ «мѣропріятій» производятъ потрясающее впечатлѣніе, это въ сѣверной части Повѣнецкаго уѣзда, около Выгозера. Едва ли есть страна, гдѣ жизнь горьчѣе для человѣка: ибо земля почти отказываетъ ему въ вознагражденіи за ея обработку, хлѣбъ то и дѣло вымерзаетъ, рыбы не много и не такая, которая годилась бы для вывоза, сплавлять лѣсъ некуда, звѣриный промыселъ недостаточенъ, чтобы кормить населеніе, слишкомъ для этого густое. Словомъ, здѣсь нужно безконечное, безъисходное труженичество, чтобы только прокормиться. Какое же остается утѣшеніе человѣку при такой жизни? Одно единственное — религія, и дѣйствительно, народъ здѣсь отличается особенною набожностью. Но что же? Вы пріѣзжаете въ село и среди опрятныхъ, красивыхъ его избъ васъ поражаетъ видъ какой-то печальной развалины. Проходя мимо, крестьяне, васъ провожающіе, благоговѣнно снимаютъ шапки и крестятся. — Что это такое за развалина? «Да это была наша часовня, а лѣтъ двадцать тому назадъ пришелъ изъ Питера приказъ, да пріѣзжалъ изъ губерніи чиновникъ, вывезъ наши образа, запечаталъ часовню, снялъ съ нея крестъ и запретилъ намъ до нея дотронуться. Такъ она и стоитъ вотъ ужъ двадцать лѣтъ и скоро совсѣмъ развалится». — А гдѣ же теперь бываетъ у васъ богослуженіе? — «Да нигдѣ, батюшко, потому намъ всякое «оказательство» запрещено». Другой крестьянинъ — православный — поясняетъ, что въ этомъ селѣ живутъ все раскольники и начальство строго смотритъ, чтобы не было у нихъ богослуженія. И это не въ одномъ мѣстѣ, а то же самое почти въ каждомъ селѣ: вездѣ разваливающіяся часовни, запечатанныя по распоряженіямъ изъ Петербурга, кладбища съ заколоченными воротами, въ которыя строго воспрещено входить, дабы кто-нибудь изъ раскольниковъ не отважился служить заупокойную службу по родителямъ, вездѣ это доброе, привѣтливое, кроткое населеніе тружениковъ-выгозеровъ лишено утѣшенія религіи. И всего курьезнѣе, что это дѣлается не изъ какого-нибудь фанатизма къ православію, а просто такъ, по канцелярской рутинѣ.

Со мной ѣхалъ русскій простолюдинъ, петербургскій житель. Когда мы проѣхали первыя раскольничьи селенія, онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ такой наивный вопросъ: «Скажите, отчего это у насъ въ Петербургѣ позволяютъ и католикамъ и лютеранамъ имѣть свои церкви на Невскомъ проспектѣ, и позволяютъ жидамъ и мусульманамъ служить по своей вѣрѣ, а здѣсь такъ стѣсняютъ

нашихъ русскихъ мужичковъ въ ихъ вѣрѣ? Вѣдь они, какъ мы, вѣруютъ въ Господа Иисуса Христа, а не то что жида, которые Христа проклинають; у нихъ тѣ же святые и тѣ же молитвы какъ у насъ, а не то что у лютеранъ и католиковъ, а ихъ такъ стѣсняють, что даже покойника не даютъ отпѣть и въ самый большой праздникъ не позволяютъ служить».

Признаюсь, я не нашель отвѣта. Нашель ли бы что отвѣчать кто-либо изъ моихъ благосклонныхъ читателей?

Ограничиваюсь этими общими впечатлѣніями и перехожу къ тому, что меня преимущественно занимало въ Олонецкомъ краѣ, именно къ остаткамъ народной эпической поэзіи. Побывавши въ Олонецкой губерніи, особенно въ сѣверной и восточной ея частяхъ, легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе: эти причины — *свобода* и *глушь*.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ того, что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постои, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ даже такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна и которыя приняты во всей Россіи. Такъ, напр., сѣно косятъ не косами, а горбушами, не только тамъ, гдѣ это можетъ быть удобно, т.-е. между деревьями и по кочкамъ, а на самыхъ гладкихъ и хорошихъ лугахъ, хотя косьба горбушами требуетъ вдвое больше напряженія и времени. Изъ крестьянъ болѣе развитые сами признають это, но говорятъ, что ничего не подѣлаешь: «наши дѣды и отцы косили горбушею», это доводъ, противъ котораго заонежскій крестьянинъ не принимаетъ возраженія. Тотъ же отцовскій и дѣдовскій обычай

поддерживаетъ изнурительное для лошади употребленіе дровней. Лѣтомъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно бы пользоваться телѣгою. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благоприятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время вся совокупность условій, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, устраняетъ отъ него все, что могло бы ослабить въ немъ наивность дѣдовскихъ вѣрованій. Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ сорокъ пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско,—эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются. Мнѣ очень памятенъ переѣздъ съ Сумозера на Водлозеро; меня сопровождалъ извѣстный уже г. Рыбникову сказитель Андрей Сорокинъ, и отъ скуки затянулъ длинную былину про сорокъ каликъ съ каликою. Между нимъ и мною ѣхалъ хозяинъ лошади, которая шла подо мною, и онъ, никогда не слыхавъ этой былины, постоянно сопровождалъ ее своими замѣчаніями. «Ахъ она мерзкая баба», повторилъ онъ нѣсколько разъ, слушая, какъ княгиня Опраксія соблазняла каличьяго атамана сотворить съ нею грѣхъ. «Эка братъ бѣда пришла!» воскликнулъ онъ, когда у атамана въ подсумкѣ оказалась положенная туда мстительною княгинею чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестокую казнь:

А не рушайте вы заповѣди великіей,
А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыи,
Ай рубите-тко руки бѣлыи,
Ай со лба-то копайте очи ясныи,
Ай тяните-ко языкъ мнѣ-ка со темени,
Ай копайте какъ по грудямъ во матушку сыру-землю.

«Вотъ чудесно, право!» было его заключеніе, когда пѣвецъ процѣлъ о томъ, какъ приходилъ Микола Можайскій,

А ему вложилъ да ноги рѣзвыи,
А вложилъ да руки бѣлыи,
А положилъ ему да очи ясныи,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
Ай положилъ какъ здыханье во бѣлую грудь.

Словомъ, мой провожатый слушалъ всю эту былину съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что въ ней рассказы-

вается, какъ еслибы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполне достоверномъ. То же самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванья, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣтельствуютъ, что онъ вполне живетъ мыслию въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ, напр., Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ Пóтыкѣ, такими замѣчаніями: «каково, братцы, три мѣсяца прожить въ землѣ!» или: «вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрить»; или «вотъ, подумаешь, бабьи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны кого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рапсоде объясняетъ дѣло весьма просто: «встарину-де люди были вовсе не такіе какъ теперь». Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженіе нѣкотораго невѣрія; и тотъ и другой не только грамотные, но и начетчики, одинъ перешедшій изъ раскола въ единовѣріе, другой недавно «остаровѣрившійся». И тотъ и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрится, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ, будто, напр., Илья Муромецъ могъ побить сразу 40 тысячъ разбойниковъ, но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца. Но эти скептики составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Огромное большинство живетъ еще вполне подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія. Потому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключомъ бьетъ.

Я никакъ не ожидалъ найти въ этомъ отношеніи такой богатой жатвы. Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не рассчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя. Въ Петрозаводскѣ указали мнѣ слѣпнаго старика-крестьянина, пріѣхавшаго туда для закупокъ. Онъ сначала неохотно сознался, что знаетъ кое-какія «старинны», но какъ собирался ѣхать домой въ ту же сторону, куда лежалъ путь и мнѣ, то согласился сѣсть въ мою лодку. Дорогой я упросилъ его сказать свои старинны, и старикъ Іевъ Еремѣевъ заплѣлъ превосходную былинну

про превращенія Добрыни подь магическимъ дѣйствіемъ нашей русской Цирцеи, Маринки:

Она стала-то Добрынюшку обвертывати:
 Обвернула-то Добрыню да сорокою,
 Обвернула-то Добрыню да вороною,
 Обвернула-то Добрыню да свиньею,
 Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ:
 Рожки у тура да въ золоти,
 Ножки у тура да въ сѣребри,
 Шерсть на туру да рыжа бархату.

Мнѣ не приходилось читать столь полного и архаическаго пересказа этой былины, и впечатлѣніе, подь которымъ я находился, усилилось еще болѣе, когда я тутъ же, изъ разговора Лева Еремѣева съ другими крестьянами узналъ, что онъ—завязтый раскольникъ.

Между тѣмъ руководствуясь сборникомъ г. Рыбникова и объясненіями его ¹⁾, я былъ увѣренъ, что у раскольниковъ нельзя найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса, и думалъ, что посѣщеніе мѣстъ, гдѣ преобладаетъ старообрядчество, было бы для меня потерей времени. Явно языческая былина, пропѣтая человѣкомъ, извѣстнымъ своими раскольниковыми убѣжденіями, совершенно мѣняла эти предположенія, отчасти даже самый планъ путешествія. Я сталъ подозрѣвать (а потомъ вполне убѣдился), что г. Рыбниковъ не могъ найти ничего у старообрядцевъ по своему личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Въмѣсто того, чтобы избѣгать мѣстъ населенныхъ старовѣрами, я рѣшился побывать въ самомъ центрѣ этого населенія, на Выгозерѣ. Программа на случай встрѣчи съ старообрядцами была у меня готовая: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, не вызывать религіозныхъ споровъ, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣ-

¹⁾ См. «Замѣтку» его, т. III, стр. IX: «Шунгскіе туземцы смотрѣли на старину даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религіозной области и насколько они поддерживаются обычаемъ, возымѣвшимъ силу съ XVII вѣка. Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частію относятся еще съ тѣмъ настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблазнять». Потому въ Повѣдкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей».

рованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религиозныхъ убѣжденіяхъ. Программа кажется не хитрая, но сколько мнѣ удалось замѣтить, она была тамъ до нѣкоторой степени новостью. Не знаю, приписать ли моей программѣ, что предвѣщанія, мною слышанныя, будто я встрѣчу со стороны раскольниковъ самый грубый пріемъ и что они мнѣ ничего не сообщать, нигдѣ не сбывались. Разумѣется, я не дѣлалъ никакихъ щекотливыхъ разспросовъ; но былины они вездѣ охотно сказывали и позволяли записывать. Въ одномъ случаѣ нельзя было даже ожидать такого довѣрія. Мнѣ было извѣстно имя одного крестьянина въ Каргопольскомъ уѣздѣ, какъ отличнаго сказителя. Приѣхавъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ живетъ, я хотѣлъ послать нарочнаго, чтобы пригласить его къ себѣ. «Это совершенно бесполезно, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ дома, гдѣ я остановился; деньги, которыя вы заплатите гонцу (а нужно было ѣхать версть за 40 по очень дурной дорогѣ верхомъ) пропадутъ даромъ. Этотъ человѣкъ недавно только, всего года три тому, остаровѣрился (т.-е. перешелъ изъ православія въ расколъ) и боится попасть за это подъ отвѣтъ; онъ ни за что не поѣдетъ къ вамъ». Тѣмъ не менѣе я настоялъ на посылкѣ гонца, который на другой день вернулся съ весьма неопредѣленнымъ отвѣтомъ, «что молъ подумаетъ, что ему нездоровится» и проч. — «Ну, я такъ и зналъ, говоритъ мой хозяинъ; нѣтъ, онъ не поѣдетъ». — «А ежели я къ нему поѣду, то скажетъ ли онъ свои былины?» — «Конечно скажетъ, гостю вѣдь отказать нельзя». Я уже сталъ собираться въ дорогу, какъ прискакалъ самъ «остаровѣрившійся» сказитель, который, дѣйствительно, своими былинами оправдалъ желаніе его послушать. Потомъ я узналъ, что онъ, по дорогѣ, заѣзжалъ къ какой-то наставницѣ, которая тамошнимъ раскольникамъ «за попа служить», и что она ему разрѣшила ѣхать сказывать старины.

Очень помогла мнѣ въ собираніи былинь и другая, тоже совершенно случайная встрѣча при самомъ началѣ моей поѣздки.

Еще на пароходѣ, возьмемъ меня изъ Петербурга, найдя себѣ мѣстечко на носовой палубѣ, я разговорился тутъ съ нѣкоторыми крестьянами изъ Заонежья, разспросилъ ихъ о сказителяхъ, которые мнѣ извѣстны были по книгѣ г. Рыбникова, и узналъ между прочимъ, что объ одномъ изъ этихъ сказителей, Абрамѣ Евтихievѣ, можно получить свѣдѣнія въ самомъ Петрозаводскѣ, потому что тамъ живетъ его сынъ. Старикъ оказался въ гостяхъ у сына, и уже въ самый день моего пріѣзда я имѣлъ удовольствіе

услышать его прекрасныя былины. Мы съ нимъ сошлись такъ, что онъ охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и былъ мнѣ весьма полезенъ. Будучи по ремеслу крестьянскимъ портнымъ, онъ всю осень и зиму ходитъ по деревнямъ Заонежья, останавливаясь тамъ, гдѣ нужна его работа. Такимъ образомъ у него есть знакомые во всѣхъ углахъ этого края, и благодаря ему легко устранялось недобѣріе, съ какимъ крестьяне обыкновенно смотрятъ на прѣзжаго изъ Петербурга. Я старался останавливаться въ такихъ селеніяхъ, гдѣ можно было рассчитывать навѣрно услышать былины; а пока я ихъ тамъ записывалъ, Абрамъ Евтихievъ, бывало, пойдетъ по окрестности, иногда далеко, верстъ за 40 и даже за 50, «доставать сказителей», какъ онъ выражался; удостовѣренные имъ, что они будутъ вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщить свои былины; потомъ слухъ о вознагражденіи приводилъ и такихъ, про которыхъ мы не знали. Случалось такъ, что инымъ приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тѣмъ какъ я записывалъ былины до полного физическаго утомленія. Такимъ образомъ въ короткое время двухъ мѣсяцевъ удалось найти 70 человекъ, мужчинъ и женщинъ, знающихъ былины. Я долженъ прибавить, что въ этомъ числѣ 16 человекъ ¹⁾ извѣстны были частію лично, частію чрезъ посредство другихъ г. Рыбникову, что за симъ 5 человекъ ²⁾, отъ которыхъ у него записаны былины, съ того времени умерли, и что наконецъ 7 человекъ, упоминаемыхъ въ его сборникѣ, либо остались въ сторонѣ отъ моего пути, либо случайно не были мною отысканы. При знакомствѣ съ пѣвцами и пѣвицами былинь я старался обращать вниманіе на личныя обстоятельства каждаго, чтобы уяснить себѣ вліяніе личности сказителя на характеръ самыхъ распадій; въ составляемомъ мною сборникѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія о каждомъ сказителѣ и сказительницѣ. Здѣсь позволю себѣ привести нѣкоторыя общія замѣчанія, основанныя на знакомствѣ съ этими 70-ю личностями.

¹⁾ Рябининъ, Кузьма Романовъ, Прохоровъ, Паромскій старикъ (т.-е. Иванъ Сивцевъ), Бутылка (т.-е. Абрамъ Евтихievъ), Сорочкинъ, Оедотовъ (т.-е. Дутиковъ), Левлевъ, Потахинъ (т.-е. Потапъ Антоновъ), Щеголенокъ, Корниловъ, Сарафановъ, Никитинъ, Михайло Богдановъ (т.-е. Михайло Ивановъ), Лукинъ и слѣпой Иванъ (т.-е. Иванъ Феноновъ). Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще упоминаемую въ сборникѣ г. Рыбникова «племянницу Щеголенка» (т.-е. Прасковью Гавриловну Юхову изъ дер. Ятовщины Кижской волости): она мнѣ пѣла былины, но ихъ ужъ такъ плохо помнила и такъ путала, что я съ ея словъ ничего не рѣшился записать.

²⁾ Леонтій Богдановъ, Трофимъ Романовъ, Василій Лазаревъ, Амосовъ и Савиновъ.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что былины сохранились только въ средѣ крестьянъ; я упомяну ниже объ единственномъ встрѣченномъ мною исключеніи, которое впрочемъ имѣетъ совершенно случайный характеръ. Мнѣ указывали на какого-то пономаря, а въ другомъ мѣстѣ на дьячка, которые будто бы знаютъ «старины»; обнадеживали, что услышу «старины» отъ одного изъ такъ-называемыхъ «обѣльныхъ вотчинниковъ» въ Чолмужахъ. Но оказалось, что пономарь рассказываетъ только какія-то сказки, что дьячекъ есть повѣствователь анекдотовъ, а обѣльный вотчинникъ въ Чолмужахъ знаетъ наизусть жалованную грамоту царя Михаила Ѳеодоровича его предку.

Во-вторыхъ: почти всѣ наши рапсоды неграмотные. Я встрѣтилъ только *патерыхъ* грамотныхъ между 70-ю пѣвцами и пѣвицами былинь (Василій Акимовъ, Андрей Сарафановъ, Иванъ Касьяновъ въ Кижскомъ краѣ, Иванъ Кропачевъ на Кенозерѣ и Николай Швецовъ на Мошѣ).

Въ-третьихъ: былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подѣ влияніемъ ихъ религиозныхъ идей.

Въ-четвертыхъ: пѣніе былинь не развилось на нашемъ Сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на Западѣ и какъ мы видимъ въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать себѣ «старины». Профессиональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ «каликъ» на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинь. Я встрѣтилъ только одного такого пѣвца по профессіи (Ивана Фенонова, извѣстнаго уже по сборнику г. Рыбникова подѣ именемъ слѣпого Ивана), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинь; но на послѣднія онъ смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное и постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которые поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя человека божія, Егорія-храбраго, Анику-воина, царя Соломона и Голубиную книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныя былины.

Между сказителями, мною встрѣченными, только у одного можно было отчасти замѣтить, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ практическую цѣну знанію былинь и считаетъ себя какъ бы пѣвцомъ былинь по профессіи; это извѣстный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романовъ. Когда я пріѣхалъ въ его сосѣдство и послалъ пригласить его, то онъ отказался-было идти, потому-де, что

недавно передъ этимъ какой-то баринъ заставилъ его пропѣть нѣсколько былинь и далъ ему за это всего 10 коп. Подобнаго меркантильнаго взгляда я рѣшительно ни у кого другого изъ пѣвцовъ былинь не встрѣчалъ; напротивъ, они обыкновенно удивлялись, что я платилъ деньги за былины, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сказителей, молодой парень на Выгозерѣ, получивъ за то, что пропѣлъ мнѣ нѣсколько былинь, больше, чѣмъ сколько могъ бы въ то же время заработать въ полѣ, сталъ потомъ объявлять во всеуслышаніе, что отнынѣ не будетъ пропускать мимо ушей ни одной былины, а все станетъ заучивать, потому что теперь-де видить, что и это знаніе имѣеть свою цѣну. Что же касается до Кузьмы Романова, то его взглядъ на пѣніе былинь, какъ на свою профессію, образовался, какъ кажется, только въ недавнее время, благодаря пользѣ, которую оно ему принесло: слѣпой и безпомощный старикъ, онъ, по милости г. Рыбникова, принявшаго въ немъ участіе, сталъ получать пожизненное пособіе (по 6 руб. въ годъ), а затѣмъ удостоился даже приглашенія пропѣть былины предъ покойнымъ Цесаревичемъ, во время приѣзда его высочества въ Олонецкую губернію: фактъ, который поднялъ Романова, какъ пѣвца былинь, неизмѣримо высоко во мнѣніи мѣстныхъ жителей и его собственномъ.

Читатель видить, что обстоятельства сложились совершенно исключительно, чтобы придать пѣнію былинь для Романова практическое значеніе; но, повторяю, этотъ случай единственный.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинь составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Исключенія (кромѣ весьма немногихъ лицъ, которыхъ я засталъ случайно разоренными пожаромъ, либо продолжительными горячками)—составляютъ только одни слѣпые (Кузьма Романовъ, Иванъ Фепоновъ, Семень Корниловъ и Петръ Прохоровъ), которые поставлены своимъ физическимъ недостаткомъ въ безпомощное положеніе; но, впрочемъ, и между слѣпыми сказителями я нашелъ человѣка, именно вышеупомянутаго Іева Еремѣева, который, оставшись въ дѣтствѣ слѣпымъ и нищимъ сиротою, благодаря изумительной энергіи и способностямъ, самъ, своими трудами, создалъ себѣ порядочное хозяйство. Лучшіе пѣвцы былинь извѣстны въ то же время какъ хорошіе и, относительно, зажиточные домохозяева: я назову Рябинина и Касьянова въ Кижахъ, Андрея Тимоѣева въ Толуи, Абрама Евтихіева и Петра Калинина на Пудожской-Горѣ, Никифора Прохорова въ Купецкомъ, Потапа Антонова въ Шалѣ, Сорокина на Сумозерѣ, Никитина, Ѳедора Захарова и Алексѣя Висаріонова на Выгозерѣ, Ивана Захарова, лучшаго сказителя и перваго

богача на Водлозерѣ, Ивана Сивцова Пбромскаго, перваго сказителя и одного изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ на Кенозерѣ, кенозерскихъ же сказителей Петра Воинова и Михаила Иванова, Николая Швецова на Мошѣ и друг. Повидимому былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяють природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни. Сколько разъ мнѣ говорили, что въ такой-то деревнѣ я найду такого-то нищаго или такого-то кабацкаго засѣдателя, который сьумѣеть спѣть разныя «исторіи»: но нищѣ по профессіи, какъ сказано выше, знали только духовные стихи, а пропившіеся въ кабацкѣ мудрецы являлись съ запасомъ пѣсенъ, болѣе или менѣе разгульныхъ, и анекдотовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но ни одинъ рѣшительно не былъ эпическимъ рапсодомъ. Изъ крестьянъ, отъ которыхъ можно услышать былины, многіе вовсе не пьютъ вина; извѣстнаго же какъ пьяницу я между ними ни одного не встрѣтилъ.

Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинь особенно благопріятствовали нѣкоторыя мастерства. Такъ, когда читатель будетъ просматривать свѣдѣнія о сказителяхъ, со словъ которыхъ мною записаны былины, онъ замѣтитъ, что многіе изъ нихъ, и именно тѣ, которые больше другихъ упомянули, либо сами занимаются портняжнымъ или сапожнымъ ремесломъ или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья или плетенья сѣтей приходитъ охота пѣть «старинны», и онѣ тогда легко усваиваются; напротивъ того «крестьянство» (т.-е. земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляють къ тому времени, но заглушають въ памяти даже то, что прежде помнилось и пѣвалось. Впрочемъ, читатель долженъ имѣть въ виду, что мастерства, о которыхъ я говорю, отнюдь не составляютъ исключительнаго занятія кого-либо изъ пѣвцовъ былинь; каждый изъ нихъ въ то же время земледѣлецъ и лѣтомъ работаетъ по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные въ свободное зимнее время занимаются мастерствомъ, благопріятствующимъ сохраненію эпическихъ пѣсенъ, тогда какъ занятія другихъ, напр., звѣриный промыселъ, лѣсныя работы, извозничество и т. п., не оставляють досуга для рапсодій.

Прежде чѣмъ закончу эти общія замѣчанія о нашихъ народныхъ рапсодахъ и перейду къ болѣе частнымъ, остановлюсь на двухъ фактахъ, которые указываетъ г. Рыбниковъ. Во-пер-

выхъ, у него говорится, что «у женщинъ есть свои *бабы старинны*, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ-то охотно»; во-вторыхъ, онъ представляетъ эпическую поэзію какъ нѣчто вымирающее: «у большинства сказителей, говоритъ онъ, врядъ ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія». Это вполне справедливо относительно той мѣстности, съ которою г. Рыбниковъ лично ознакомился, именно побережья Онежскаго озера; здѣсь дѣйствительно эпическая поэзія близка къ вымиранію, былины поются преимущественно стариками и этимъ старикамъ-сказителямъ точно не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи; здѣсь дѣйствительно женщины рѣдко знаютъ другія былины, кромѣ какъ про Ставра, Ивана Гоудиновича и Чурилу Пленковича, которыя, кажется, ихъ интересуютъ тѣмъ, что въ этихъ былинахъ главные дѣйствующія лица—женщины же. Но совершенно другое дѣло дальше къ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ. Тамъ былевая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько въ молодомъ поколѣніи; тамъ незамѣтно также никакой разницы между предметами, о которыхъ поютъ мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Побережья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что несмотря на его значительную величину, озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива,—побережья Кенозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, усѣянный деревьями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ, и въ этомъ оазисѣ цвѣтетъ въ настоящее время эпическая поэзія. Крестьяне и крестьянки, поющіе былины, насчитываются здѣсь десятками, поютъ былины старый и малый; вы здѣсь услышите одинъ и тотъ же варіантъ отъ пяти-шести человекъ, мужчинъ и женщинъ, которые живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время вы встрѣтите трехъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ и изъ которыхъ каждый знаетъ свои особыя былины; вы встрѣтите семейство, въ которомъ и мужъ и жена охотники пѣтъ былины и поютъ разныя. Женщины здѣсь воспѣваютъ тѣхъ же богатырей, какъ и мужчины, спеціальныя же «бабій» богатырь Пріонежья, Ставѣрь, котораго хитрая жена выручаетъ отъ князя Владиміра, вовсе неизвѣстенъ кенозеркамъ. На Кенозерѣ мнѣ сказали, что знаетъ былины и супруга мѣстнаго іерея, бывшаго благочиннаго, о. Георгіевскаго. Это меня крайне удивило, потому что дотолѣ не встрѣчалось

ни малѣйшаго признака, чтобы былины пѣлись внѣ крестьянской сферы, и первая моя мысль была, не принадлежит ли пѣвица былинь, о которой мнѣ сказали, по происхожденію сама къ этой сферѣ. Но оказалось, что нѣтъ. Г-жа Георгіевская — дочь бывшаго прежде на Кенозерѣ священника, родилась и воспитывалась въ отцовскомъ домѣ «на погостѣ» и въ немъ же осталась жить и замужемъ. Обязательно позволивъ мнѣ записать съ ея голоса тѣ былины, которыя остались у нея въ памяти (а прежде она знала ихъ больше, пока заботы хозяйства и воспитанія дѣтей не поглотили всего ея досуга), почтенная г-жа Георгіевская рассказала, что ея отецъ, отличавшійся крайнею суровостью, строжайше запрещалъ своимъ дочерямъ пѣніе святочныхъ, плясовыхъ и т. под. пѣсенъ, которыя составляютъ обыкновенную забаву молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ онъ эти пѣсни почиталъ грѣховными: что же было дѣлать, чтобы разгонять скуку? И вотъ, дочери строгаго іерея заучили и принялись распѣвать былины, которыя онѣ слышали отъ старика-крестьянина, каждую зиму работавшаго въ ихъ домѣ какъ портной.

Другой фактъ не менѣе замѣчательнъ. Я записывалъ былины со словъ крестьянки Матрены Меньшиковой, записалъ былинку про Илью Муромца, какъ онъ пришелъ въ Кіевъ каликою и сталъ поить «голей кабацкіихъ», записалъ варіантъ рѣдкой и единственно на Кенозерѣ слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича, какъ вдругъ Меньшикова, сказавъ, что знаетъ еще хорошую старинку, запѣла:

«Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались» и т. д.,

словомъ, прошѣла съ начала до конца всю предлинную сербскую пѣсню про Юву и Мару въ переводѣ Щербины. «Отъ кого, спрашиваю, ты этой старинкѣ научилась?» — «Да отъ стариковъ нашихъ слыхала, отецъ и другіе старики пѣвали». Этотъ отвѣтъ показывалъ, что пѣвица уже не отличала Ювы и Мары отъ другихъ «старинъ», которыя она заимствовала отъ родителей; потомъ изъ разговора съ нею я узналъ, что мужъ у нея грамотный и сынъ, тоже выучившійся грамотѣ, бывалъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не трудно было догадаться, что къ нимъ въ домъ попалъ экземпляръ Щербиновской «Пчелы», и что мужъ или сынъ прочиталъ вслухъ при Матренѣ переводъ Ювы и Мары. Но знаменателенъ фактъ усвоенія этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху складъ стиха, на непонятныя слова, которыми

поэма пересыпана. Несмотря на все это, она въ состояніи была пройтѣ всю сербскую поэму также плавно и безъ запинки, какъ какую-нибудь родную былину ¹⁾. Она примѣняла сербскій стихъ къ нашему эпическому складу, протягивая хорейское его окончаніе, такъ что оно занимало темпъ дактиля, она преисправно произносила слова «тамбура», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показываютъ ли эти факты, что тамъ,

¹⁾ Для сличенія приводимъ начало этой былинны, какъ ее усвоила себѣ кенозерская крестьянка и печатный текстъ Щербинны:

*«Юво и Мара» съ устахъ Матрени
Менишиковой.*

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались,
Однимъ полотномъ утирались,
Одинъ же сонъ ночью видали,
Такъ любо другъ другу въ очи смотрѣли,
И какъ солнце въ глубокое море.
Ованъ-отъ былъ удалъ изъ удалыхъ,
И не простого—господскаго рода.
А Мара-то была сиротка,
И столъ была гибка, какъ ель молодая,
И мало было вѣку любить эту Мару.
Какъ не видишь, такъ такъ и заболѣешь,
А увидишь, такъ выльчить разомъ.
Въ пору ужъ было Ювѣ жениться,
Дѣвущкѣ Марѣ можно ужъ выйти и
замужъ.

Спрашиваетъ юные Ово:

«Душа моя Мара,
Любишь ли меня, мое сердце,
Какъ я держу тебя на мысляхъ?»
Потихоньку Мара ему отвѣчала:
«Юные-Ово, перо дорогое!
Дороже очей ты мнѣ своихъ,
Какъ мать сына у сердца ношу я».
Вслушавъ эти рѣчи непримѣтные сто-
рожъ,

Донесъ онъ Овановой майки.
Говоритъ-де Овану эта майка:
Юные Ово, перо дорогое!
Забудь ты и думать объ этой дѣвчонкѣ:
Даютъ за тебя лучше и краше,
Даютъ де Отлагича Злата Фатиму.
Не видала, что солнцу что мѣсяцъ,
Не видала, какъ поля зеленѣютъ,
Не видала муравки на поли,
Не видала мужнины ни разу,

Печатный текстъ.

Двое милыхъ, любясь, выростали:
Юный Юво да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства отъ третьяго года;
Ихъ увидишь, — такъ радостно ста-
нетъ—
Скажешь, это василекъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Впору Ювѣ ужъ было жениться
Можно было отдать Мару замужъ...
Выросъ Юво—удалъ изъ удалыхъ,
Красотою—красивѣй дѣвнцы.
Мара—слова для Мары не сыщешь! —
И на свѣтѣ такой не бывало!..
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется;
Милевидна, что горная вила,
А гибка-то, что ель молодая.
Годъ на Мару гляди—и все мало
Мало бѣ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь ее—заболѣешь,
А посмотреть—такъ выльчить разомъ...
Но сироткой была наша Мара,
Юво жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого—господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промол-
вилъ:
«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Юво, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары!
Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ...»
Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ—

на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ? То же самое можно сказать и про Водлозеро, гдѣ только начинаютъ прививаться былины. Изъ семи человекъ, которыхъ мнѣ тамъ указали, какъ знатоковъ былинь, только одинъ заимствовалъ ихъ отъ отца; всѣ прочіе выучились былинамъ на чужой сторонѣ, а если у себя дома, то отъ заѣзжихъ людей. Особенно характеристиченъ слѣдующій случай. Крестьянинъ деревни Чуялы на Водлозерѣ, Матвѣй Нигозѣркинъ пропѣлъ очень складно былины про Дюка Степановича и про неудавшуюся свадьбу Алеши Поповича на Добрыниной женѣ; пропѣлъ наконецъ начало былины про три поѣздки Ильи Муромца. Когда я, по обыкновенію, сталъ его спрашивать, откуда онъ знаетъ эти былины, Нигозѣркинъ разсказалъ, что онъ имъ научился не далѣе какъ *въ прошломъ году* (а надо замѣтить, что это человекъ уже не молодой, ему за 40 лѣтъ); что до того времени онъ никогда не пѣвалъ былинь, но прошлою осенью заѣхалъ къ нему переночевать какой-то старичекъ крестьянинъ изъ-за Кенозера. У него въ избѣ сидѣло тогда человекъ полдесятокъ, они и стали просить старичка разсказать или спѣть имъ что-нибудь. Старикъ пропѣлъ имъ былинку про Дюка Степановича, и она Нигозѣркину такъ понравилась, что онъ просилъ своего гостя ее спѣть другой, а потомъ еще и третій разъ. Такъ онъ ее и «понялъ». Старикъ на другой день уѣхалъ, но на возвратномъ пути опять остановился переночевать у Нигозѣркина, который тогда выучилъ отъ него былинку про Добрыню и Алѣшу; былины же про Илью Муромца не удалось запомнить всей, а только начало.

Такъ-то усвоивается эпическая поэзія на Водлозерѣ. Не знаю, не состоитъ ли явившаяся вдругъ въ Водлозерахъ охота

И кому же богатаго рода,
И не простого—господскаго рода
Богатство во время тебѣ пригодится...»
и т. далѣе.

Мать Ювана тѣ слышала рѣчи;
Злѣя на Мару, сказала Ювану:
«Милый Юво, перо дорогое!
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ...
Есть невѣста и лучше, и краше:
То—Фатима, Атлагича злато.
Фата съ дѣтства взлелѣяна въ клѣткѣ,
И не знаетъ, что солнце, что мѣсяць;
Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣть,
Не видала муравки на полѣ,
Не видала ни-разу мужчины,—
А въ тому жъ и богатаго рода,
И въ подмогу богатствомъ сгодится...»
и т. далѣе.

къ былинамъ въ связи съ переходомъ въ ихъ бытѣ: они, прежде жившіе земледѣліемъ, вдругъ, вслѣдствіе усердія начальства, воспретившаго дѣлать расчистки въ окружающихъ лѣсахъ, принуждены были помирать съ голоду и, чтобы не совсѣмъ помереть, принялись плести какія-то усовершенствованныя сѣти и вылавливать рыбу изъ Водлозера: а плетеніе сѣтей, какъ мы видѣли, есть занятіе, особенно благопріятствующее былевой поэзіи.

Какъ бы то ни было, нѣтъ никакого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ, и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа. Сравнительно съ Водлозеромъ и Кенозеромъ, берега Онежскаго озера, соединеннаго воднымъ путемъ съ Петербургомъ, суть мѣста, гораздо болѣе открытыя вліяніямъ, убивающимъ эпическую поэзію въ народѣ, и потому неудивительно, что здѣсь она уже представляетъ признаки вымиранія. Къ числу этихъ признаковъ я отношу и замѣченное г. Рыбниковымъ явленіе, что у женщинъ есть какъ-бы особыя любимыя былины. Примѣръ Кенозера показываетъ, что это не есть явленіе общее. Въ самомъ Пріонежскомъ краѣ любимыя былины женщинъ про Ставра, про Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами, но зато рѣдкая изъ женщинъ знаетъ былины болѣе такъ сказать серьезныя, какъ-то про Илью Муромца, про Садка, про Вольгу и т. дал. Мнѣ кажется, что и здѣсь одинъ и тотъ же кругъ былинъ былъ нѣкогда, какъ на Кенозерѣ, общимъ достояніемъ и мужчинъ и женщинъ, по мѣрѣ же утраты вкуса къ эпической поэзіи, послѣднія перестали пѣть все то, что не представляло для нихъ особеннаго интереса, и такимъ образомъ сохранили въ памяти только пикантныя былины про Ставра, Чурилушку, Хотѣнку Блудова и т. под.

Когда слушаешь нашихъ народныхъ рапсодовъ, — прежде всего дивишься тому, до какой степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или каррикатурный, обликъ каждой фізіономіи въ этой галлерей вездѣ сохраняетъ свои типическія

черты. Ни разу князь Владиміръ не выступитъ изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной, увѣренной въ себѣ, скромной, чуждой всякой аффектаціи и хвастовства, но требующей себѣ уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, Алеша Поповичъ — нахальства и подлости, Чурила — франтовства и женолюбія, вездѣ Михайло Пѣтыкъ будетъ разгульнымъ, увлекающимся всякими страстями удалцомъ, Ставеръ — глупымъ мужемъ умнѣйшей и преданной женщины, Василий Игнатьевичъ — пьяницей, отрезвляющимся въ минуту бѣды и который тогда становится героемъ, Дюкъ Степановичъ — хвастливымъ рыцаремъ, который пользуется преимуществами высшей цивилизаціи предъ русскими и т. д.; словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ. Сѣверно-русскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно присущи не только какія-нибудь общія неопредѣленные представленія о его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ искаженія и крайнюю путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы и характеры дѣйствующихъ лицъ; а этого-то никогда не бываетъ. Потому кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинъ, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ. Но за сими главнѣйшее участіе принадлежитъ памяти. Въ самомъ дѣлѣ, нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ запинки поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа. Это одна изъ причинъ, что эпическая поэзія должна исчезать съ развитіемъ грамотности и промышленнаго духа въ народѣ: эпическимъ пѣснямъ нужна свободная память, онѣ могутъ вмѣститься только въ голову не загроможденную книжнымъ ученіемъ, не занятую расчетами житейской борьбы. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ рапсодій; участія личнаго творчества никто изъ нихъ не подозреваетъ, хотя оно существуетъ несомнѣнно. Изъ разговора съ любымъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполне чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ, дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомянулъ, то либо пропускаетъ, либо рассказываетъ словами; но какъ бы

подробно онъ ни зналъ содержанія какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпического склада это казалось бы весьма легко. Я былъ свидѣтелемъ смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій нищій, слѣпой Анисимъ, поющій по профессіи духовные стихи: ему захотѣлось заработать у меня денегъ, и когда я ему сказалъ, что духовныхъ стиховъ мнѣ не нужно, а нужны былины, онъ, видно понадѣявшись на себя, прехладнокровно началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣлъ онъ чепуху и нескладицу невообразимую. Такъ, напр., онъ пѣлъ:

И говорить-то Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Своему-то родителю батюшку и матушки,
Говорить-то ѣнъ имъ таково слово:
Ай-ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощеньицо благословеньицо
Во чистое поле ѣхати и поляковать
И биться и ратиться
За церкви соборныи, за весь тотъ міръ православный,
За вѣрушку да кровь отечество,
За царя да за земнаго правителя,
Всероссійскаго да содержателя,
За все воинство и христіюлюбимое!

Потомъ онъ сознался, что былинь не пѣвалъ, а зналъ про Илью рассказъ только словами. Другой крестьянинъ, Андрей Сорокинъ, говорилъ мнѣ, что будучи еще съ малолѣтства охотникомъ до былинь, онъ иногда пытался распѣвать голосомъ, въ видѣ былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочемъ, самая эта попытка показываетъ въ Сорокинѣ склонность къ личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинахъ. И дѣйствительно, ни въ комъ не было видно такого, можно сказать, безцеремоннаго отношенія къ тексту былинь. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышалъ отъ Сорокина, я замѣтилъ ему въ одномъ мѣстѣ, что онъ прежде пѣлъ этотъ эпизодъ иначе: «ахъ, это все равно, отвѣчалъ Сорокинъ, я могу спѣть такъ или иначе, какъ вамъ будетъ угодно!» Ничего подобнаго мнѣ ни отъ кого другого изъ сказителей не приходилось слышать, и я приписываю склонности къ сочинительству въ Сорокинѣ особый характеръ, которымъ отличаются его былины, ихъ безконечную амплификацію, дѣлающую ихъ такъ скучными ¹⁾).

¹⁾ Г. Рыбниковъ обратилъ вниманіе на эту черту былинь Сорокина и писалъ: «Обиліе подробностей, нѣкоторая расплывчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе

Сорокинъ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Всѣ прочіе сказители всегда утверждали, что то, что разсказывается словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда я замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это мѣсто, но никому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладицу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, сказитель отвѣчалъ: «такъ поется», а про что разъ сказано, что «такъ поется», то свято; тутъ значить разсуждать нечего. Когда попадалось въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и я спрашивалъ его объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ; если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется», или: «такъ пѣвали старики, а что значить, мы не знаемъ». Не разъ сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былину такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели вполне довольствуются тѣмъ, что «такъ поется», и объясненій никакихъ не требуютъ, — только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовья черты другой эпохи, неимѣющія

многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца (дѣло идетъ о Сорокинѣ) ясно указываетъ промыселъ сказителя, содержателя постоялаго двора: чѣмъ дольше длится былина, тѣмъ ему выгоднѣе: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера». (Т. IV, замѣтка, стр. XXXVI). Я долженъ оговорить ошибку, въ которую впасть почтенный собиратель по невольному недоразумѣнію. Андрей Сорокинъ никогда не былъ содержателемъ постоялаго двора и даже крайне удивился, когда я его спросилъ объ этомъ; въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, нѣтъ ни одного постоялаго двора. Но дер. Сумозеро единственная на протяженіи 60-ти верстъ, отдѣляющихъ Водлозеро отъ гор. Пудожя; потому всѣ проѣзжающіе по этому направленію принуждены въ ней почевать и пользуются для того гостепріимствомъ Сумозерскихъ крестьянъ, между прочимъ и Сорокина, у котораго есть своя изба. Оттого г. Рыбниковъ могъ подумать, что онъ содержитъ постоянный дворъ. Впрочемъ, не только пріемъ проѣзжихъ не составляетъ промысла для Сорокина, который живетъ исключительно хлѣбопашествомъ и съ гордостью показывалъ мнѣ большія пространства «нивь», расчищенныхъ его руками изъ-подъ лѣсу, по обстоятельству, что онъ живетъ въ такомъ проѣзжемъ мѣстѣ какъ Сумозеро не могло повліять на складъ его былинъ, ибо онъ переселился въ эту деревню уже взрослымъ работникомъ (его принялъ въ домъ тесть), а родился и выросъ въ деревушкѣ Ценежахъ у Пудожя.

ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполне понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль-травѣ», въ этомъ «раздольѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, напр., сохраненіе образа «гнибдаго тура», давно исчезнушаго, или облика богатыря съ шоломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ съ вами, читатель, какая-нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что это такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолье чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое: ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные камнемъ или пнями, клочки пашни либо сѣновосу, окруженные лѣсомъ; если же виднѣтся кое-гдѣ чистое гладкое мѣсто, то, это не раздолье для скакуна, это трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человекъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украинѣ!

Но само собою разумѣется, что кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носитъ въ себѣ и мѣстныя и личныя стихіи. Когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырскій

«Мхи болота перескакивалъ,
Мелкія озера промежъ ногъ пуцалъ»,

то онъ рисуетъ картину, которая составила на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало. Нельзя не замѣтить той особенной обстоятельности, съ которою въ былинахъ нашихъ изображается сѣдланіе коня и снаряженіе корабля: эти картины конечно не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя привнесены на Сѣверѣ въ составъ нашихъ былинъ; но если именно сѣдланіе коня и снаряженіе корабля излагается въ нихъ пространнѣе и съ большею такъ сказать любовью, чѣмъ другія дѣйствія, — то это могло произойти оттого, что изъ всѣхъ дѣйствій, приписываемыхъ бо-

гатырямъ, именно сѣдланье коня и снаряженье корабля особенно близко знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлатъ себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку. Я думаю, что вліянію мѣстной жизни слѣдуетъ приписать и то, что въ Онежскомъ краѣ сохранился, рядомъ съ богатыремъ - мужчиною, образъ богатыря-женщины или *поляницы*. Это представленіе до такой степени стало чуждо намъ, что при изданіи въ Москвѣ перваго тома сборника Рыбникова, тамъ даже ученые не поняли, что такое поляница, какъ показываетъ примѣчаніе издателей къ этому слову (стр. 27): «*паленица, поленица, поляница*: удалая голова, что рыскаетъ по полю ради подвиговъ»¹⁾). Между тѣмъ въ сѣверной части Олонецкой губерніи на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Повѣнецкомъ и Пудожскомъ побережьи каждый крестьянинъ вамъ скажетъ положительно, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мужчины и женщины и что какъ мужчины назывались *богатырями*, такъ женщины *поляницами*. Это я слышалъ десятки разъ. Что такое поляница? спросилъ я между прочимъ у водлозерскаго пѣвца Нигозеркина, думая поставить его втупикъ, такъ какъ онъ только недавно и случайно выучился кое-какимъ былинамъ: «А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, дѣсюль (т.-е. въ прежнее время) и женщины воевали, ходили на войну какъ и мужчины, это *поляницы* значитъ по нашему, по деревенски».

Не стану дѣлать гипотезъ о томъ, имѣетъ ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племень, обитавшихъ въ Черноморскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣвами чешскихъ легендъ; но какъ бы образъ женщины-богатыря ни сложился, — сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовья условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, что отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна умѣть грести и править лодкою, въ осеннюю непогоду тянуть «кереводы» и невода, въ зимнія мятели отправляться въ извозъ къ Бѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлать его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ

¹⁾ Такое же неправильное толкованіе и въ словарѣ Даля: *поленица*—удальца, ватага шалуновъ, наѣздникъ, разбойникъ; *поленица удалая*—шайка, вольница.

другихъ краяхъ Россіи потеряло свою опредѣленность. Такъ даже въ Кияхъ и на Кенозерѣ, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое поляница, скажутъ, либо что это то же самое, что богатырь, либо что поляницами назывались воители пониже степени, чѣмъ богатыри, либо, наконецъ, отвѣтятъ просто: «такъ поется, поляница, а что такое, не знаемъ».

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуетъ личная стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренія самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ. На Кенозерѣ я встрѣтилъ двухъ весьма замѣчательныхъ сказителей, которые заимствовали былины отъ одного и того же учителя: это Иванъ Сивцевъ, по прозванію Пóромской, который выучился пѣть былины отъ своего отца, и Петръ Воиновъ, ученикъ того же старика Пóромскаго, у котораго онъ жилъ въ работникахъ. Если сличить былины, съ ихъ словъ записанныя, то сейчасъ замѣтишь, что онѣ весьма сходны по содержанію, но значительно разнятся въ подробностяхъ изложенія и оборотахъ рѣчи. Такое же различіе представляютъ былины кенозерскаго же пѣвца Андрея Гусева и тѣ же былины, какъ ихъ поетъ его сынъ Харламъ Гусевъ.

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія*, по большей части описательнаго содержанія либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первые изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варианты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза къ ряду одну и ту же былину: вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому

подходящій смыслъ, а иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти и затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, они то-и-дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Фепоновъ, какъ упомянуто выше, калика, т.-е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи,—Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ.

Изложенныя здѣсь наблюденія представились мнѣ сами собою, пока я слушалъ нашихъ сказителей и записывалъ ихъ рапсодіи. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что собранныя былины должны быть, при изданіи, расположены не по предметамъ, а *по сказителямъ*. Конечно, эта система имѣетъ большія неудобства, и я первый готовъ признать, что окончательное, полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ, точно также какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ вариантовъ. Но для полнаго изданія еще не наступило время; изданіе же хрестоматіи не есть моя цѣль. Я считаю эпическія пѣсни, сохранившіяся въ народѣ нашемъ, настолько цѣнными для науки, что онѣ заслуживаютъ всѣ изданія; при изданіи же сырого матеріала, какимъ представляется собраніе записанныхъ мною былинъ, система расположенія ихъ по рапсодамъ имѣетъ то преимущество, что при ней можетъ легко уясниться важный вопросъ объ отношеніяхъ личнаго творчества и преданія въ составѣ былинъ. Съ этой точки зрѣнія получаетъ цѣну многое, что иначе казалось бы незаслуживающимъ никакого вниманія. Такъ, напр., читатель встрѣтитъ въ моемъ сборникѣ два ужасно плохіе варианта извѣстной былины про отъѣздъ Добрыни Никитича и неудачное сватовство Алеши Поповича на его женѣ. Въ одномъ изъ этихъ пересказовъ всего подробнѣе описываются и выставляются ребромъ заботы Владиміра о томъ, чтобы прислуга не впускала никого посторон-

няго на брачный пирь Алешинъ, и переговоры Добрыни съ служителями о томъ, чтобы ему дозволили войти: словомъ, центръ дѣйствія перенесенъ въ переднюю. Въ другомъ пересказѣ Владиміръ, чтобы понудить Добрынину жену выйти за Алешу Поповича, издаетъ указъ удалить изъ Кіева «всѣхъ вдовъ и женъ безпашпортныхъ» и грозить Настасьѣ этимъ закономъ. Что можетъ быть безобразнѣе того и другого пересказа? Между тѣмъ первый изъ нихъ характеристиченъ по отношенію къ личности-самого пѣвца: это молодой человѣкъ, который ходилъ бурлакомъ на Каналь, на заработанныя деньги кутилъ въ Петербургѣ на Сѣнной, прокутившись поступилъ въ услуженіе къ какому-то кушцу и недавно только воротился къ себѣ въ деревню и сѣлъ тамъ на крестьянство. Изъ всѣхъ пѣвцовъ былины, мнѣ встрѣтившихся, этотъ больше всѣхъ вращался въ лакейской сферѣ, и героями былины вышли у него лакеи. Пересказъ же, гдѣ говорится о безпашпортныхъ вдовахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ запечатлѣвается въ былинахъ слѣдъ событій, поражающихъ народъ. Этотъ вариантъ, который я слышалъ единственно на Водлозерѣ, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе того, что въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія разогнали изъ раскольничьихъ скитовъ въ Даниловѣ и на Лексѣ (т.-е. за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Водлозера) всѣхъ вдовъ и дѣвицъ, проживавшихъ тамъ безъ паспортовъ.

Каждая былина вмѣщаетъ въ себѣ и наслѣдіе предковъ и личный вкладъ пѣвца; но сверхъ того она носитъ на себѣ и отпечатокъ мѣстности. Сколько мнѣ показалось, пѣвцы былины въ Олонецкой губерніи должны быть раздѣлены, по мѣстности, на двѣ большія группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ, затѣмъ, свои подраздѣленія. Эти двѣ большія группы можно бы пишущему въ Петербургѣ назвать *пріонежскою* (или если угодно употребить старинное слово—*обонежскою*) и *заонежскою*, потому что первая обнимаетъ мѣстности прилегающія къ Онегу, а вторая—края, которые лежатъ къ сѣверу и востоку отъ Онега; но второе названіе произвело бы путаницу, такъ какъ слово *Заонежье* употребляется народомъ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ тому, который мы бы ему теперь придали. Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) назвали тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону главнаго его бассейна. Итакъ, намъ приходится искать другого названія: я назову эту группу, въ противоположность Пріонежской, группою *сѣверо-восточною*, такъ какъ она обнимаетъ окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши.

Группа *Пріонежская* характеризуется пространностью былинъ, *сѣверо-восточная* группа — относительно ихъ сжатостью. Эти два типическіе признака являются какъ въ построеніи самыхъ рапсодій, такъ и въ складѣ стиха. Въ Пріонежьѣ былины отличаются качествомъ, которое еще Гораций приписывалъ эпическимъ пѣснопѣніямъ, — длиннотою: — *dic age longum*, Calliope, *melos*. Въ Пріонежьѣ слышатся былины въ тысячу стиховъ и болѣе, и замѣтна склонность сказителей къ длинному стиху (7-ми, 8-ми, 9-ти-стопному) со множествомъ вставочныхъ частицъ. На сѣверо-востокѣ, напротивъ того, преобладаетъ стихъ короткій, 5-ти и 6-ти-стопный, вставочныя частицы употребляются умѣреннѣе, повторенія, которыя такъ удлинняютъ былины въ устахъ пріонежскихъ пѣвцовъ, здѣсь вводятся гораздо рѣже, ходъ рассказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ и 300—400 стиховъ. Само собою разумѣется, что и на Пріонежьѣ нѣкоторыя былины бываютъ короткія, а у выгозерскихъ и кенозерскихъ сказителей попадаются такія, которыя изобилуютъ длиннотами: но я говорю объ общемъ, преобладающемъ типѣ, а въ этомъ, какъ мнѣ кажется, различіе весьма явственно.

Перехожу къ подраздѣленіямъ обѣихъ группъ и начинаю съ Пріонежской. Когда я былъ на томъ полуостровѣ, который слыветъ Заонежьемъ, то слышалъ, что народъ дѣлитъ его по какому-то старинному преданію на три части: Кижі, Толвуй и Шуньгу. Имя *Кижь* обнимаетъ югозападную часть Заонежья, т.-е. погосты Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Яндомерскій, Космозерскій; Толвуй есть общее названіе для восточной полосы Заонежья, т.-е. погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго, Вырозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго; наконецъ Шуньгою называется сѣверо-западный уголъ Заонежья. Про послѣдній край ничего не могу сказать, потому что въ немъ не былъ, а слышалъ, что тамъ едва ли можно встрѣтить былины; но я былъ удивленъ тѣмъ, что хотя между Кижами и Толвудей нѣтъ ни природной, ни административной, а есть только какают-то воображаемая по преданію граница, манера у пѣвцовъ былинъ въ томъ и другомъ краѣ совершенно особенная. Въ то же время Толвуйская манера совершенно сходна съ тою, которая замѣчается на противоположномъ, сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ до самаго перевала на Масельгѣ. Потому думаю, что можно Пріонежскихъ рапсодовъ раздѣлить на двѣ, такъ сказать, школы — Кижскую и Толвуй-Повѣнецкую. Что это заключеніе не совсѣмъ произвольное, могу подтвердить свидѣтельствомъ самихъ крестьянъ. Въ

Пудожгорскомъ погостѣ, въ деревнѣ Горкѣ, стоятъ рядомъ, бокъ-о-бокъ, избы двухъ замѣчательныхъ сказителей: Абрама Евтихіева (Бутылки), о которомъ я упоминалъ выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождалъ меня изъ Петрозаводска, ко второму мы приѣхали въ гости на Пудожскую Гору. Когда Калининъ пропѣлъ длинную былину о Добрынюшкѣ, хозяинъ и гребцы моей лодки, привыкшіе слышать Абрама, всѣ тотчасъ замѣтили: «какъ странно, два такіе близкіе сосѣда, а сказываютъ былины совершенно разно!» Абрамъ Евтихіевъ тотчасъ объяснилъ намъ это: «Петръ Лукичъ, говорилъ онъ, понялъ былины отъ своего отца, а я отъ своего; батюшка же мой не тутошній, онъ родомъ изъ Кижъ, съ Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда уже мнѣ было лѣтъ 20; оттого я и пою былины какъ Кижане, а не какъ здѣшніе».

Въ чемъ же состоитъ различіе этихъ двухъ школъ? Въ чертахъ весьма мелкихъ, но которыя даютъ, такъ сказать, тонъ всей рапсодіи, а именно въ тѣхъ непрерывно повторяющихся вставочныхъ частицахъ, которыя служатъ какъ бы подпорками нашего эпического стиха, подобно гомерическимъ частицамъ *ἄσα, αῦ, vē, δῆ* и проч.

Въ Кижяхъ такими частицами, — кромѣ общеупотребительныхъ *да, а, и, ли*, — служатъ обыкновенно: *какъ, вѣдь* и *де*; у Толвуйскихъ сказителей вы никогда не услышите ни *какъ*, ни *вѣдь*, ни *де* въ смыслѣ простой вставки; они опираютъ стихъ на частицахъ *нынъ* или *нунъ, же, было* и *есть* или *е*: это послѣднее (*есть* или, сокращенно, *е*) большею частію употребляется при глаголахъ прошедшаго времени, такъ что оно является какъ бы остаткомъ старинной формы образованія прошедшаго, но какъ смыслъ этого приставочнаго «*есть*» или «*е*» уже потерявъ, то сказители нерѣдко пользуются имъ просто для стиха.

Отъ школы Повѣнецко-Толвуйской, также какъ отъ Кижской, однако менѣе отъ первой, чѣмъ отъ послѣдней, отличаются по складу былины, которыя я слышалъ на восточной сторонѣ Онега, ближе къ городу Пудожу. Но въ этой мѣстности нашлось только четверо сказителей, изъ которыхъ у каждаго есть весьма замѣтныя особенности. Это объясняется различіемъ источниковъ ихъ былинь. Только у одного изъ нихъ, Сорокина, онѣ мѣстнаго происхожденія; другой, Иванъ Опоновъ, выучился былинамъ на Онегѣ-рѣкѣ; къ третьему, Потапу Антонову, онѣ перешли изъ Вытегорскаго уѣзда; наконецъ Никифоромъ Прохоровымъ поются былины, занесенныя тоже изъ какого-то дальняго мѣста (его отецъ выучился имъ, когда служилъ въ пасту-

хахъ у помѣщика, стало быть во всякомъ случаѣ не близко отъ родины Прохорова, потому что тамъ нѣтъ вовсе помѣщичьихъ имѣній). Итакъ, этихъ четверыхъ сказителей можно соединить по мѣстности въ группу, но нельзя назвать одною школою.

Что касается до *сѣверо-восточной* группы, то я не подмѣтилъ тамъ различія собственно въ складѣ былинь между отдѣльными мѣстностями. Во всѣхъ мѣстностяхъ этой группы, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, Кенозерѣ, манера сказителей одна и та же, — тѣ же короткіе стихи, та же краткость въ разсказѣ, та же относительная умѣренность въ употребленіи вставочныхъ частицъ. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ раздѣлить сѣверо-восточную группу географически на Выгозерскую, Водлозерскую и Кенозерскую, потому что между этими мѣстностями есть различіе — не въ складѣ былинь, а въ ихъ сюжетахъ. На Выгозерѣ воспѣваются тѣ же герои, что и въ Пріонежьѣ: общеизвѣстные Илья Муромецъ, Добрыня, Чурило и т. д., и сверхъ того Дунай Ивановичъ, Ставеръ Годиновицъ, Дюкъ Степановицъ, Садко купецъ богатый; на Кенозерѣ же про четырехъ послѣднихъ вовсе не поютъ, про Дуная и Ставра тамъ даже не слыхивали; напротивъ того, сказанія про Илью Муромца и Чурилу здѣсь многочисленнѣе, особенно пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ имѣютъ у кенозерскихъ сказителей такое преобладающее значеніе, какого не видно въ Пріонежьѣ; сверхъ того на Кенозерѣ поются нѣкоторыя былины, вовсе неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, о Щелканѣ. Группа Водлозерская не имѣетъ никакой определенной фizioноміи, потому что, какъ замѣчено выше, тамъ эпическая поэзія только начинается, заносимая съ разныхъ сторонъ. Наконецъ, въ послѣдней изъ мѣстностей, которая я рѣшился причислить къ сѣверо-восточной группѣ, — на Мошѣ, слишкомъ мало остатковъ эпической поэзіи, чтобы можно было судить о ея характерѣ. Былины тамъ, по большей части, перешли въ прозаическіе разсказы въ видѣ сказокъ, и на Мошѣ остался только одинъ замѣчательный пѣвецъ былинь (Швецовъ). Его былины довольно замѣтно отличаются отъ кенозерскихъ, и какъ Мошенскій край, по природнымъ условіямъ, всего ближе связанъ съ Шенкурскимъ уѣздомъ Архангельской губерніи, то можно бы предположить, что и въ отношеніи къ былевой поэзіи онъ составляетъ часть Шенкурской группы: но объ этой послѣдней я не имѣю никакихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ личнаго наблюденія.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что кенозерскія и мошенскія былины отличаются отъ всѣхъ прочихъ по нарѣчію. На

всемъ Пріонежьѣ, также какъ на Выгозерѣ и на Водлозерѣ, господствуетъ сѣверно-русское нарѣчіе, въ которомъ *о* произносится всегда чисто, безъ перехода въ *а*, и родительный падежъ прилагательныхъ на *аго*, *ого* выговаривается такъ, какъ мы его пишемъ; при этомъ замѣчается еще свойственная новгородцамъ наклонность буквы *ь* къ звуку *и* и буквы *и* къ звуку *ч*, но случаи, въ которыхъ вмѣсто *ь* слышится чистое *и*, вмѣсто *и* — чистое *ч* рѣдки и непостоянны, обыкновенно же является средній звукъ, который трудно передать. Такъ, напр., очень рѣдко скажутъ: *бильй свитѣ*, *молодечь*, обыкновенно же выходитъ не то *бильй свитѣ*, *молодечь*, не то *бѣльй свѣтѣ*, *молодецъ*, а что-то среднее.

Съ Водлозера на Кенозеро ѣдешь версть 90 или 100 болотистыми рѣками, по совершенно безлюдному «суземку», на срединѣ котораго волокъ въ 5 версть и деревушка. Этотъ волокъ есть водораздѣлъ между водами балтійскаго и бѣломорскаго бассейновъ. Переѣхавъ водораздѣлъ, замѣчаешь тотчасъ и нѣкоторую переменъ въ нарѣчій: *и* произносится чисто, *ь* уже весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*, впервые слышится переходъ *и* въ *е* въ родительномъ падежѣ, особенно въ мелкихъ словахъ: *тово*, *сево*, *чево* и т. п.

Тотъ же самый говоръ слышенъ и на Мошѣ; далѣе по пути отъ Моши къ Вельску переѣзжаешь другой большой болотистый пустырь, отдѣляющій воды, которыя текутъ въ Онегу-рѣку, отъ притоковъ Сѣверной Двины. Съ этимъ водораздѣломъ опять-таки соединено измѣненіе въ нарѣчій: ослабѣваетъ *оканье*, окончаніе *аго* чаще переходитъ въ *аво*, произношеніе *ь* какъ *и* совсемъ исчезаетъ, и любопытно, что съ переменною въ нарѣчій совпадаетъ и другая, экономическая. До этого водораздѣла вся экономическая жизнь народа тяготеетъ исключительно къ Петербургу и Архангельску, съ Москвою нѣтъ ни малѣйшей связи (кромѣ рѣдкихъ богатыхъ торговцевъ, бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ): за болотистымъ волокомъ, отдѣляющимъ Мошенскій край отъ Пуйскаго, Москва является главнымъ, наиболее знакомымъ народу экономическимъ центромъ, Петербургъ отходитъ на второй планъ.

Я удалился отъ нити своего изложенія. Мнѣ остается къ замѣчаніямъ о складѣ нашихъ былинъ прибавить нѣсколько наблюдений насчетъ ихъ размѣра. Къ этимъ наблюдениямъ меня привела съ перваго же дня встрѣча съ Абрамомъ Евтихievымъ, съ которымъ, какъ сказано, я познакомился при самомъ пріѣздѣ въ Петрозаводскъ. Онъ сталъ мнѣ пѣть свои быliny, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за ними по

печатному тексту, я былъ пораженъ разницею—не въ содержаніи разказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ; когда же пѣлъ Абрамъ Евтихіевъ, то у него явно слышался не только музыкальный кадансъ напѣва, но и тоническое стопосложеніе стиха. Я рѣшился записать былинку вновь; сказитель вызвался сказать мнѣ ее «словесно», т.-е. безъ напѣва, и говорилъ, что онъ уже привыкъ «словесно» передавать свои былины тѣмъ, которые прежде ихъ у него «списывали». Я началъ «списывать» былинку о Михайлѣ Пѣтыкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубленая проза въ родѣ той, какою эта былина напечатана была въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾ и потомъ перешла въ сборникъ г. Рыбникова (т. I, № 38). Я попытался-было переправить эту рубленную прозу въ стихъ, заставивъ сказителя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что, какъ объяснено выше, сказители каждый разъ мѣняютъ нѣсколько изложеніе былины, переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выраженія. Прислушавшись нѣсколько дней къ первымъ встрѣченнымъ сказителямъ и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былинку совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ приучить своего спутника-рапсода *тѣтъ* (а не пересказывать только словами) былинку съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихіеву, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и сліянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же приемъ употреблялъ я впослѣдствіи со всѣми другими сказителями, и онъ мнѣ удавался почти всегда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (они будутъ мною всякій разъ обозначаемы) мои старанія были тщетны. Такъ черезъ-чуръ ветхій и почти глухой старикъ Кузьма Романовъ и замѣчательная, впрочемъ, сказительница Домна Сурикова никакъ не могли приладиться къ пѣсенной передачѣ былины. Когда они начинали сказывать ее на распѣвъ, то не въ состояніи были остановиться, чтобы не пропѣть вдругъ цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить

¹⁾ По списку, доставленному П. О. Бутеневымъ.

то же потише, то впадали въ прозаическій пересказъ, въ которомъ стихосложеніе исчезало.

Записавъ съ возможною внимательностію къ стихотворному размѣру былины 70-ти сказителей и сказительницъ, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Сказителей въ этомъ отношеніи можно распредѣлить на три группы:

1. Сказители, которые точно соблюдаютъ въ каждой былинѣ правильный размѣръ;
2. Сказители, которые соблюдаютъ размѣръ, но не всегда правильный; и
3. Сказители, которые вовсе не соблюдаютъ размѣра.

Что правильное тоническое стопосложеніе составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной былины; что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствіе размѣра — дальнѣйшая степень такой порчи, это не потребуетъ доказательствъ для каждаго, кто либо послушаетъ нашихъ сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанныя съ ихъ напѣва. Онъ найдетъ правильный тоническій стихъ у тѣхъ именно сказителей, у которыхъ былины и по содержанію самыя складныя, самыя полныя, самыя архаическія; онъ замѣтитъ, что рапсоды, которые допускаютъ неправильности въ стопосложности, — все-таки обыкновенно поютъ правильнымъ стихомъ повторяющіяся типическія мѣста, т.-е. то, въ чемъ всего болѣе сохраняется древній складъ рѣчи; онъ увидитъ, что совершенно разрушенный стихъ имѣетъ спутникомъ разрушеніе и въ содержаніи и во внутреннемъ складѣ былинъ.

Какой же размѣръ нашего народнаго эпическаго стиха? Не одинъ, а нѣсколько.

Г. Рыбниковъ замѣтилъ, что у Рябина «одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень весель въ Ставрѣ, въ Пѣтыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулукѣ выходитъ торжественнымъ». Г. Рыбниковъ разумѣетъ здѣсь собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа — размѣръ стиха. Въ Ставрѣ у Рябина хорей съ дактилемъ, въ Пѣтыкѣ — чистый хорей, въ Вольгѣ и Микулѣ — анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ его произведеній.

Преобладающій размѣръ, который я назову *обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ* есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ.

Число стопъ неопредѣленно, такъ что стихъ является *растяжимымъ*. Растяжимость при правильномъ тоническомъ размѣрѣ составляетъ отличительное свойство русскаго эпическаго стиха.

Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у хорошихъ пѣвцовъ растяжимость стиха бываетъ весьма умѣренная. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ стиху 5-ти и 6-ти-стопному, который затѣмъ можетъ расширяться до 7-ми и суживаться до 4-хъ стопъ; стихи же длиннѣе или короче того допускаются лишь развѣ какъ самая рѣдкая аномалія. Чрезмѣрно длиннаго стиха (болѣе 8-ми стопъ) вы никогда не услышите отъ сказителя, если только онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, у которыхъ размѣръ стиха совсѣмъ разрушенъ. Встрѣчая такіе длинные стихи въ печатныхъ изданіяхъ былинь, мы должны ихъ объяснять тѣмъ, что сказители, когда передаютъ былину словами, безъ напѣва, часто сливаютъ два и даже три стиха въ одинъ. Можно также замѣтить, что въ нѣкоторыхъ былинахъ преобладаетъ типъ стиха болѣе короткаго, такъ что наибольшая часть стиховъ 4-хъ и 5-ти-стопные, въ другихъ преобладаютъ длинные, 6-ти-стопные съ примѣсю 7-ми-стопныхъ. Такъ Калининъ пѣлъ былинны про Илью Муромца стихомъ по преимуществу 4-хъ и 5-ти-стопнымъ, про Добрыню Никитича 6-ти и 7-ми-стопнымъ. Любопытно было бы сравнить русскій эпическій стихъ съ такимъ же стихомъ у другихъ народовъ: какіе бы это сравненіе дало результаты? Съ стихомъ южно-славянскимъ, силлабическимъ и нерастяжимымъ (т.-е. безъ тонического склада и съ непремѣннымъ соблюденіемъ одинаковаго числа слоговъ), у насъ нѣтъ ничего общаго кромѣ того, что каждый стихъ, и русскій и южно-славянскій, долженъ представлять какой-нибудь болѣе или менѣе цѣльный смыслъ, какую-нибудь фразу или отдѣльный членъ фразы, не допуская ни въ какомъ случаѣ такъ-называемаго enjambement, столь любимаго напротивъ въ стихѣ древне-греческаго, германскаго и скандинавскаго эпоса.

Впрочемъ, не стану удаляться отъ своего предмета и потому возвращаюсь къ размѣрамъ олонецкихъ сказителей. Вотъ примѣръ стиха, который я назвалъ обыкновеннымъ эпическимъ¹⁾:

¹⁾ Если читатель потрудится сравнить эти строки съ напечатанными въ сборникѣ г. Рыбникова, т. I, стр. 54, то онъ замѣтитъ, какъ размѣръ исчезалъ вслѣдствіе того, что былина записывалась имъ по-словесно и только повѣрялась по напѣву (см. «замѣтку» въ III т., стр. XIX), а не списывалась непосредственно съ голоса.—Вотъ соотвѣтствующее мѣсто у г. Рыбникова:

Старый казакъ Илья Муромецъ
 Поѣхалъ на добромъ конѣ
 Мимо Черниговъ градъ:
 Подъ Черниговымъ силушки чернымъ черно,
 Чернымъ черно, какъ черна ворона.
 Припустилъ онъ коня богатырскаго
 На эту силушку великую,

Изъ того ли то изъ города изъ Муромля,
 Изъ того села да съ Карачирова,
 Выѣзжалъ удаленькой, дородній добрый молодець.
 Онъ стоялъ заутрену во Муромли
 А ѣ къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольней Кіевъ градъ,
 Да ѣ подѣхалъ онъ ко славному ко ороду къ Чернигову.
 У того ли города Чернигова
 Нагнаѡ то силушки чернымъ черно,
 А ѣ чернымъ черно какъ черна вѡрона;
 Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживать,
 На добрымъ кони никто тутъ не проѣзживатьъ,
 Птица черній воронъ не пролетывать,
 Сѣрый звѣрь да не прорыскиватьъ.
 А подѣхалъ какъ ко силушкѣ великойей,
 Онъ какъ сталъ то эту силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать да сталъ копьемъ колоть,
 А ѣ побилъ онъ эту силу всю великую.
 Енъ подѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ.
 Выходили мужички да тутъ черниговски
 И отворяли то ворота во Черниговъ градъ,
 А ѣ зовуть его въ Черниговъ воеводую.

Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
 Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
 И подѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
 Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
 Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
 И зовуть его въ Черниговъ воеводую.
 Говоритъ имъ Илья таковы слова:
 «Ай-же вы, мужики Черниговцы!
 «Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводую;
 «А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ градъ».
 Говорицъ ему мужички Черниговцы:
 — Ай-же, удаленькій дородній добрый молодець,
 — Славный богатырь свято-русскій!
 — Прямоѣзжею дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ версть,
 — Окольною дорожкой цѣла тысяча.
 — Прямоѣзжая дороженька заколодила,
 — Заколодила дорожка, замуравила;
 — Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиватьъ,
 — Черній воронъ не пролетывать:
 — Какъ у тоя у Грязи у Черныя
 — У тоя у березы у покляцныя,
 — У славнаго креста у Леванидова,
 — У славненькой у рѣчки у Смородинки,
 — Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
 — Свищеть Соловей онъ по соловьему,
 — Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:
 — Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
 — Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежать. —

Говорить-то имъ Илья да таковы слова:

- «Ай же мужички да вы Черниговски,
 «Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
 «Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ».
 Говорили мужички ему Черниговски:
 — Ты удаленькой, дородній добрый молодець,
 — Ай ты славныя богатырь святорусскіи!
 — Прямоѣзжая дорожка заколѣбла,
 — Заколѣбла дорожка, замуравѣла
 — А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
 — Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ
 — На добромъ кони никто да не проѣзживалъ.
 — Какъ у той ли то у грязи-то у Черной,
 — Да у той ли у березы у покляпыи,
 — Да у той ли рѣчки у Смородины,
 — У того креста у Леванидова,
 — Сиди Сѣловей розбойникъ во сырѣмъ дубу
 — Сиди Сѣловей розбойникъ Одихманьевъ сынъ,
 — А то свищеть Сѣловей да по солѣвѣму,
 — Енъ крычить злодѣй розбойникъ по звѣриному.
 — Й отъ него ли то отъ пѣсвисту солѣвьяго,
 — Й отъ него ли то отъ пѣкрыку звѣринаго
 — То все травушки муравы улетаются,
 — Все лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 — Темны лѣсушки къ земля вси приклоняются,
 — А что есть людей, то вси мертвы лежать. —

Этимъ размѣромъ лучшіе сказители, какъ-то Рябининъ, Еремѣевъ, Калининъ, вамъ пропоютъ былинѹ въ тысячу слишкомъ стиховъ, не сбиваясь въ стопосложеніи. Если у нихъ въ сотнѣ стиховъ найдется одинъ какой-нибудь неправильный, то это конечно такъ же мало значить, какъ то, что и старнѣ Гомеръ бывало, «засыпая», скажетъ плохой гекзаметръ. Но большинство нашихъ сказителей позволяютъ себѣ въ хорейскомъ стихѣ двѣ вольности, которыя впрочемъ мало замѣтны при пѣніи былины: именно, въ началѣ стиха они изрѣдка допускаютъ приставку или недостачу одного слога, такъ что хорей превращается въ ямбъ, а въ срединѣ иногда вмѣсто хорей употребляютъ дактиль; но какъ при этомъ два краткіе слога дактиля сливаются въ произношеніи, то хорейскій кадансъ отъ того не теряется. Привожу примѣръ такой былины, записанный со словъ Абрама Евтихѣева:

- Добрыношкѣ-то матушка говаривала,*
 Да й Микитичу-то матушка наказывала:
 «Ты не ѣзди-ко далече во чисто поле
 «На тую гору да сорочинскую,
 «Не топчи-ко младыхъ зміёнышевъ,
 «Ты не выручай-ко пѣлоновъ да русьскіихъ,

«Не купилсь Добрыня во Пучай рѣки;
 «Но Пучай рѣка очинь ¹⁾ свирипая,
 «Но середняя-то струйка какъ огонь сѣчетъ».
 А Добрыня свдеи матушки не слушался,
 Какъ онъ *идеть* далече во чисто полѣ,
 А *на тую на гору сорочинскую* ,
 Потопталъ онъ младыхъ зміенышевъ,
 Ай повырчалъ онъ полоновъ да русьскіихъ.
 Богатырско его сердце распотѣлоси,
 Роспотѣлось сердце нажадѣлоси,
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Онъ добра коня да ко Пучай-рѣки.
 Онъ слѣзаль Добрыня со добра коня,
 Онъ снималь Добрыня платьє цвѣтноє,
 Да онъ *зѣбрель за струечку* за первую,
 Да онъ *зѣбрель за струечку* за среднюю
 И самъ говорилъ да таково слово:
 «Мнѣ *Добрынюшки* матушко говаривала,
 «Мнѣ *Микитичу* маменька ѿ наказывала,
 «Что не ѣзди-ко далече во чисто полѣ
 «На тую гору на сорочинскую,
 «Не топчи-ко младыхъ зміенышовъ,
 «А не *выручай* подоновъ да русьскіихъ
 «*И не купилсь Добрыня во Пучай рѣки*,
 «Но Пучай рѣка очинь свирипая,
 «А середняя-та струйка какъ огонь сѣчетъ;
 «А Пучай рѣка она кротнѣ-смирна
 «Она будто лужа-та дождѣвая.
 Не успѣлъ Добрыня словца смолвити,—
 Вѣтра нѣтъ,—да тучу наднесло
 Тучи нѣтъ,—да быдто дождь дождить
 А ѿ дождя-то нѣтъ, да только громъ громить,
 Громъ громить да свищеть молвія.
 А какъ лѣтитъ змійцо Горынчицо
 О тыѣхъ двѣнадцати о хоботахъ.
 А Добрыня той змѣи да приужахнется.
 Говорить змѣя ему проклятая:
 —Ты теперича Добрыня во моихъ рукахъ;
 —Захочу тебя Добрыню теперъ потоплю,
 —Захочу тебя Добрыню теперъ сѣймъ-сождру,
 —Захочу тебя Добрыню въ хоботѣ возьму,
 —Въ хоботѣ возьму Добрыню, во пору снесу.—
Припадаеть змѣя какъ ко быстрой рѣки,
 А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ
 Онъ нырнѣтъ на бѣрежокъ на тѣможной
 Онъ нырнѣтъ на бережокъ на здѣшній, и т. д.

¹⁾ По неизмѣнью въ типографіи нѣкоторыхъ буквъ съ удареніями (напр. и, і, у, ы, ѣ, я, ю), мы, когда нужно было отмѣтить на нихъ удареніе, напечатали ихъ *курсивомъ*.

Такимъ образомъ, на 52 стиха оказывается 42 совершенно правильныхъ хорейскихъ, въ 4-хъ стихахъ хорей превращенъ въ ямбъ, въ 6-ти стихахъ есть дактилическія стопы вмѣсто хорей ¹⁾.

1) Въ сборникѣ г. Рыбникова (т. I, 122) это мѣсто читается такъ по списку г. Бутенева, записанному, какъ разсказывалъ самъ Евтихievъ, съ «пословесной» передачи былины:

Добрынюшки матушка говорила:
 «Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
 «На тую гору Сорочинскую,
 «Топтать-то молодыхъ зміеншей,
 «Выручать-то полоновъ русскіихъ.
 «Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки.
 «Пучай-рѣка есть свириная:
 «Середня струйка какъ огонь сичеть».
 Добрынюшка матушки не слушался.

.....
 Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
 На тыхъ горахъ на высокіихъ,
 Потопталъ младыхъ зміеншей,
 Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
 Богатырско его сердце пожадѣлося
 Пожадѣлося и раснодѣлося.
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Добра коня ко Пучай-рѣки,
 Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
 Снималъ съ себя платье цвѣтное,
 Забрелъ за струечку за первую,
 И забрелъ за струечку за среднюю.
 И самъ говорилъ таково слово:
 «Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
 «Мнѣ Никитичу матушка наказывала,—
 «Что не ѣзди далече во чисто поле,
 «На тую гору Сорочинскую,
 «Не топчи-ко младыхъ зміеншей,
 «Не выручай полоновъ русскіихъ,
 «Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
 «Что Пучай-рѣка есть свириная:
 «Середня струйка какъ огонь сичеть».
 «А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
 «Она будто лужа дождевая».
 Какъ въ тую пору въ то время
 Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, а только дождь дождить,
 Дождя-то нѣтъ, искры сыпятся, —
 Летить Змище-Горынчище.
 О двенадцати змиа о хоботахъ.
 Хочетъ змиа его съ конемъ сожечь,
 Сама говорить таково слово:
 — Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,

Можно сказать, что такой, нѣсколько тронутый порчею, хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ немногихъ наилучшихъ, которые умѣютъ выдерживать размѣръ стиха совершенно, и съ другой стороны тѣхъ, какъ Щеголенокъ, Сорокинъ, Сарафановъ, которые вовсе утратили размѣръ въ стихѣ.

Второй размѣръ въ былинахъ нашихъ можно назвать *иривымъ* какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанію, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествіе Батя на Кіевъ, событіе, которому народный эпосъ придалъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хореическія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются, какъ въ чисто-эпическомъ размѣрѣ, а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ,—что было бы черезъ-чуръ утомительно для слуха,—а они перемѣшиваются съ чистыми хореическими стихами. Для примѣра привожу начало процѣтой Рябининымъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ:

Владиміръ князь стольно-Кіевской
 Заводилъ онъ почестенъ пирь-пированьицо
 А ѿ на всѣхъ то на князей на бояровъ
 Да ѿ на русьскихъ могучихъ богатырей,
 На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.
 А сидятъ-то молодцы на честнѣмъ пирю,
 Всѣ-то сидятъ пьяны-веселы.
 Владимиръ князь по горенки похаживаль,
 Пословечно государь выговариваль:
 «Всѣ есть добры молодцы поженены,
 «Красны дѣвушки замужь даны,
 «Столько я одинъ хожу холостъ не жѣненой.
 «То вы знаете ль мнѣ братцы супротивничку,
 «Чтобы личушкомъ она да ѿ супротивъ меня
 «Очушки у ней бы ясныхъ соколовъ,
 «Бровушки у ней бы черныхъ соболей
 «А походочкой она бы лани бѣлюю,
 «Бѣлюю лани напольскойю,
 «Напольскойю лани златорогія,

-
- Захочу—Добрыню теперъ потоплю,
 - Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
 - Въ хобота возьму и на Русь возьму,
 - Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.—
- Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ:
 Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
 Нырнетъ на бережекъ на здѣшній.

«А чтобы было бы мѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ корѣтати,
«А' ще вамъ молодцамъ было бѣ то кому поклонитися?»
Всѣ богатыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодци да приутихнули
За столомъ-та сидятъ, затулялися, и т. д.

Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынѣ и Васильѣ Казиміровѣ. Тамъ Рябининъ пѣлъ:

Здѣсь: Заводилъ почестень пирь да ѿ пированьицо,

Тамъ: Заводилъ онъ почестень пирь пированьицо

На всѣхъ сильныхъ русьскихъ могучихъ на богатырей
А ѿ на славныхъ поляницъ да на удалыхъ

Здѣсь: Да ѿ на русьскихъ могучихъ богатырей
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хорейскимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былинь про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный вариантъ дактилическаго размѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлиняется и стихъ кончается не дактилемъ, а четырех- или пяти-сложною стопою съ небольшимъ повышеніемъ голоса на послѣднемъ слогѣ. Это придаетъ еще бѣльшую легкость размѣру; но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными:

Здѣговоритъ младъ Соловей сынъ Гудиміровичъ:

«Сходенку выкидывай серебряную,
«Другу выкидывай подзолѣченную,
«Третью выкидай исповѣланую.
«Берите подарки умильни,
«Куницъ вы лисицъ да заморскихъ».
Брали ѿны во бѣлми руки,
Матушка камочку узрчатую,
И самъ беретъ гуселка ярѣвчатыхъ,
И самъ идетъ по сходенки золоченымъ,
Матушка идетъ по серебрянымъ,
Вся его дружина по исповѣланымъ;
Приходятъ оны ко Владиміру на двѣрь.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крестъ кладетъ по писаному,

А поклоны-ты ведётъ по учёному,
 На всѣ три вѣды на четыре онъ на стѣроны,
 Тому ли Владиміру въ особину.
 Подаютъ ему подарочки хорошіе,
 Матушка камочку узѣрчатую
 Молодой княгини Опраксіи.
 Взираетъ княгиня на бѣлыи руки,
 А взираетъ княгиня дивуется:
 Да не дѣрога кимочка заморская,
 А ѣ дороги узоры заморскіи.
 Сталь его Владиміръ высирашпивати
 Сталь его Владиміръ вывъдывати:
 — Ты скажись, молодець, съ коѣи земли,
 — Какъ молодца именѣмъ зовуть?

Третій размѣръ, *анapestическій*, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣднюю стопу, въ которой произносятся два ударенія, одно самое рѣзкое, на послѣднемъ слогѣ, другое на третьемъ или четвертомъ слогѣ съ конца, а у одного сказителя (Висаріонова) слышалось иногда два ударенія на двухъ послѣднихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣднемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходитъ какой-то особенно медленный и грузный. Анапестическій размѣръ соотвѣтствуетъ тому, что г. Рыбниковъ называетъ «торжественнымъ» напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Колыванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась вѣроятно и былина о дѣтствѣ Ильи Муромца, но единственный сказитель, сохранившій эту былинку, Щеголенокъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отвыкли отъ соблюденія размѣра, и только отдѣльные стихи напоминали у него анапестическій складъ. Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селянинѣ принадлежатъ къ тѣмъ, которыя меньше всѣхъ интересуютъ народъ и мало поются даже тѣми, которые ихъ еще помнятъ. Потому и размѣръ, о которомъ я говорю, является вездѣ болѣе или менѣе разрушеннымъ во внутреннемъ строеніи стиха. Вотъ примѣры:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
 Жилъ Святославъ и преставился;
 Оставалось отъ него чадо милое,
 Младый Вольга Святославговичъ.
 Сталь Вольга онъ ростать матерять,
 Похотѣлось Вольги-то много мудрости:
 Щукой рыбою ходитъ Вольги во синихъ моряхъ,
 Птицей соколомъ летать Вольги подѣ оболѣка,
 Волкомъ и рыскать во чистыхъ поляхъ.
 Уходили-то всѣ рыбушки въ глубокія моря,
 Улетали всѣ птички за оболѣки,
 Убѣгали-то всѣ звѣри за тѣмны лѣса.

Сталь Вольга онъ ростить матерть
И сбираль соби дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Самъ еще Вольга во тридцатыхъ, и т. д.

Рябининъ.

Или:

Во чистомъ поли съѣзжалоси
Три сильнихъ могучихъ богатыря
По имени первѣй Кольванъ богатырь,
Другой Муромлянъ богатырь,
Третій Самсонъ богатырь.
Про между собою рѣчи говорили,
Которыя изъ насъ будетъ бѣльшій братъ?
Говорить Самсонъ богатырь:
«Кабы былъ столбъ въ земли,
•Кабы было кольцо въ столбу
«Я бы землю всю во кругъ повернулъ».
Говорить Муромлянъ богатырь:
«Я бы такожде пвернулъ».
Говорить Кольванъ богатырь:
«Я бы такожде мѣгъ повернуть».
Господь Всевышній творецъ
За ихнее похваленіе
Даль имъ привидѣніе:
Куда у ихъ было нарчено въ путь ѣхать,
Лежить на дороги сумка,
Въ таковой сумкѣ сложенъ весь земныя грузъ.
Выскакиватъ со своего со дѣбраго коня
Самсонъ богатырь,
Хватаетъ таковую сумку,
Сумка съ мѣста не ворохнѣтся.
Выходитъ Муромлянъ богатырь
Со своего со дѣбраго коня,
Хватаетъ таковую сумку,
По колѣнамъ въ землю усьль,
Сумка съ мѣста не ворохнѣтся.
Выходитъ Кольванъ богатырь
Со своего со дѣбраго коня,
Хватаетъ таковую сумку
По грудямъ въ землю съль,
Сумка съ мѣста не ворохнѣтся.
Съ небесъ имъ гласъ прогласило:
Сильніи могучіи богатыри!
Отстанте прочь отъ таковыя сумки,
Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ.
Впредки не похваляйтесь
Всею землею владѣти,
Наблюдайте своѣ доброѣ,
Ѣздите по Руси,
Дѣлайте защиту,
Сохраниайте Русею отъ нѣпріятеля,
А хвастать по пустому не знайтѣ.

Алексѣй Висаріоновъ.

Эти три размѣра: обыкновенный хорейскій, хорейскій и анапестическій, какъ я сказалъ, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ; я разумѣю цѣль былинъ, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ-называемыя кievскія и новгородскія былины и разныя рапсодіи, тоже называемыя въ народѣ былинами, въ которыхъ описываются событія, такъ-сказать, безыменныя (наприм., про братьевъ-разбойниковъ, про горе, про ревниваго мужа и т. д.). Но этимъ не ограничилось развитіе великорусскаго эпоса, и въ другихъ его произведеніяхъ являются и другіе размѣры. Укажу на тѣ, которыя мнѣ случилось встрѣтить занесенными въ Олонецкую губернію.

Во-первыхъ, есть типъ, сходный со вторымъ изъ приведенныхъ размѣровъ (хорей съ дактилемъ), но отличающійся тѣмъ, что стихи состоятъ изъ мѣньшаго числа стопъ, 3-хъ или 4-хъ вмѣсто обыкновеннаго 5-ти, 6-ти и 7-ми-стопнаго стиха. Такимъ размѣромъ поются былина про Щелкана Дудентьевича и какая-то шутливая былина про князя Ромодановскаго и его большого быка.

А на стулѣ на бархатѣ,
 На золотѣ на ременьчатомъ
 Сидѣлъ тутъ царь Возягъ,
 Возягъ сынъ Таврольевичъ,
 Енъ де суды разсуживаль,
 Всѣ дѣла приговариваль
 И князевъ бояръ жаловаль
 Селами, помѣстьями,
 Городамъ съ пригородками.
 И Хому дарилъ Токмою ¹⁾
 И Ерѣму Новымъ-городомъ.
 И Щелканушка дома не случилосе,
 И уѣхаль Щелканушко
 Енъ во землю жидовскую,
 Енъ для чѣртова правезу,
 Ради дани и выходу.
 Енъ-де съ поля по колосу браль,
 Съ улицы по курицы,
 Съ мужика по пяти рублей,
 У кого де пяти рублей нѣтъ
 У того онъ жену беретъ,
 У кого какъ жены-то нѣтъ
 И того самогъ беретъ.
 Какъ у Щелкана не выробишься,
 Со двора вонъ не вырядишься.
 Какъ приѣхаль Щелканушо

¹⁾ Т.-е. Тогмою.

Изъ земли изъ жидовскіе
 Ко царю на широкой дворъ:
 Токо токо ¹⁾ ты, царь Возвягъ,
 Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
 И ты суды разсуживаль,
 Всѣ дѣла приговариваль,
 Всѣхъ князевъ бояръ жаловаль
 И селами помѣстьями,
 Городамъ съ пригородками,
 И Хому дарилъ Токмою
 И Ерѣму Новымъ-городомъ;
 Подари-тко Щелканушка,
 Ты любимаго зятюшка,
 Мѣня Тверію городомъ,
 Мѣня Тверію славною,
 Мѣня Тверію богатою,
 Двумя братцами рѣдными
 И князьемъ благовѣрными,
 И Борисомъ Борисовичемъ
 И Митріемъ Борисовичемъ.
 Говоритъ ему царь Возвягъ:
 «Ты любимые зятюшко
 Щелканъ сынъ Дудентевичъ!
 Заколи-ко чада милаго,
 Своего сына любимаго,
 Ты Гордѣя Щелкановича,
 Нацѣди-ко ты чашу руды
 Токо чашу серебряную,
 Выпей ту чашу руды,
 Стоючись передъ Звягой-царѣмъ,
 Передъ Звягой Таврольевичемъ!»
 Токо взявши Щелканушко
 Заколомъ чада милаго,
 Твоего сына любимаго,
 И Гордѣя Щелкановича,
 Нацѣдилъ же онъ чашу руды,
 Токо чашу серебряную
 Выпилъ ту чашу руды,
 Стоючись передъ Звягой царѣмъ,
 Передъ Звягой Таврольевичемъ.
 Подарилъ его царь Возвягъ
 Его Тверію городомъ,
 Его Тверію славною,
 Его Тверію богатою,
 Двумя братцами рѣдными
 И князьемъ благовѣрными,
 И Борисомъ Борисовичемъ
 И Митріемъ Борисовичемъ.
 И поѣхаль Щелканушко,

1) Частица, сложенная изъ *то* и приставка *ко*, употребляется вмѣсто *то* или *тутъ*.

И заѣхаль Щелканушко
 Къ родной сестры проститися,
 Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
 «Ты прощай моя рѣдна сестра
 Токо Марья Дудентьевна!»
 — «Ты прощай же мой рѣдной братъ,
 Ужо по роду рѣдной-братъ,
 По прозванью окаянной братъ!
 И кабы ти уѣхати
 И назадъ не пріѣхати
 Кабы ти самому на ножъ остыть
 И на сабли на востры!»
 И уѣхаль Щелканушко
 Еще самъ головѣй вершилъ.

Матрена Меншикова.

Во-вторыхъ, существуютъ былины, ясно принадлежащія XVII-му вѣку, которыя сложены тѣмъ самымъ размѣромъ, какъ записанныя для Ричарда Джемса пѣсни временъ Самозванцевъ. Это 5-ти и 6-ти-стопный хорей (изрѣдка по неправильности переходящій въ ямбъ или дактиль) съ хорейческимъ же, а не дактилическимъ окончаніемъ. Произведенія, этимъ стихомъ сложенные, уже не суть собственно былины, а скорѣе должны быть названы историческими пѣснями. Въ нихъ отсутствуетъ героическій характеръ. Когда же пѣвецъ XVII-го вѣка облакалъ событія, хотя бы близкой ему эпохи, блескомъ чудеснаго, то онъ пѣлъ о нихъ эпическимъ размѣромъ былинъ кіевскаго и новгородскаго цикла. Сравните былины, въ которыхъ героемъ является Никита Романовичъ со всѣми атрибутами эпическаго богатыря, и историческія пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619 году, или нижеслѣдующую былину о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вы увидите, что разница въ размѣрѣ совпадаетъ съ различіемъ въ самомъ тонѣ и такъ сказать освѣщеніи поэтическаго разсказа.

Посредѣ ль было московскаго царства,
 Среди было російска государства,
 Какъ у свѣта у Архангела Михаила,
 У Ивана у великаго въ соборѣ,
 Зазвонили во большой во колоколь,
 Всихъ князей-бояръ къ обѣднѣ созывали,
 Тамъ служили святини молебень.
 Выходилъ нашъ надежа государь-царь
 Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
 Становился государь на ровно мѣсто,
 На всѣ стороны онъ поклонился.
 Что ни золота труба да вострубила,
 Не серебряная полочка звенѣла,
 Зговорилъ нашъ надежа государь-царь

Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:

«Ай же вы князья-бояра

«Пособите государю дума думать,

«Дума думать государю, не продумать,

«А отдать ли мнѣ то городъ Смоленецъ и т. д.

Иванъ Касьяновъ.

Тѣмъ же самымъ размѣромъ сложена и весьма распростра-
ненная былина о птицахъ и звѣряхъ:

А ѿ отчего же зима да зачалася,

А ѿ красное лѣто состоялось?

Зачалася зима да отъ мороза,

А ѿ красно лѣто отъ солнца,

А ѿ богатая осень отъ лѣта.

И по тыя-то осени богатой

Вылетала малая птица,

А ѿ малая птица пѣвица.

Садилась въ зелену садочку,

А на тое на дерево калино,

Ай начала пѣти жупѣти,

Всеякими она-то ясаками.

А ѿ услышали русскія птичи,

Собиралися стады оны стадами,

Прилетали къ зелену садочку,

Ай садились птичи рядами,

Въ одну сторону до головами,

А начали пѣти, жупѣти,

Заморекую птицу пытати:

«Ай малая птица пѣвица!

«Скажи Божью правду, не утайсе:

«Кто у васъ за моремъ бѣльшій,

«Кто за дунаечкимъ мѣньшій?» и т. д.

Иванъ Федоновъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть и о третьемъ разрядѣ бы-
линъ, которыя тоже слышатся на нашемъ Сѣверѣ, хотя онѣ оче-
видно занесены туда случайно, — о былинахъ поволжскихъ или
казацкихъ. Нужно ихъ послушать на мѣстѣ и въ большемъ чи-
слѣ, чтобы судить объ ихъ складѣ и размѣрѣ. Сколько я могъ
замѣтить, онѣ составляютъ переходъ отъ эпическихъ къ лири-
ческимъ пѣснямъ; это единственныя былины, которыя поются
съ переливами голоса, съ перехватомъ посреди стиха, съ по-
втореніемъ слоговъ и словъ, напримѣръ:

Какъ собирались казаки||—на крутъ бережокъ,

Ахъ доньски гребеньски||—запорожскіи,

Запорожски казаки||—и все были янцги.

Ахъ атаманъ былъ у дов||—скихъ у казаковъ

Ой изъ тихаго Дону Ермакъ||—былъ Тимоѣевичъ,

А есаулъ былъ у доп||—скихъ у казаковъ
 Ахъ со Двины Оста||—фей Лаврентьевичъ.
 Какъ сядились казаки||—на легки стружки,
 Ай на легки стружки||—сѣли на мелки павозки
 Какъ грянули размахну||—ли внизъ по Волги рѣки

и т

Или:

Какъ во славномъ было го|рода во Вѣстракани
 Проявился тамъ дѣти|нушка незнаемъ человекъ,
 Какъ незнаемой дѣти|нушка невѣдомой откуль.
 Васко шепетно по Ва|стракани погуливаєтъ,
 Ужь онъ штапамъ офице|рушкамъ не кланяется,
 Востраканскому губерна|тору челоѣмъ ему не бѣтъ.
 А сапоженки на нож|кахъ шелкомъ тачены,
 Черна шляпа на кудряхъ|и перчатки на рукахъ,
 А й свой тотъ вишневоѣ кафтанъ|на одноѣмъ плечи таскалъ
 И какъ персидскоѣ кушачекъ|во бѣлыхъ рукахъ держалъ.
 Какъ увидѣлъ молодца, губерна|торъ скрычалъ:
 Вы сходите приведите удалаго молодца.
 Еще сталъ то губерна|торъ его спрашивать:
 «А ты скажись скажись ко дѣти|нушка незнаемъ человекъ,
 «Изъ тиху ли ты Дону казакъ|аль казачей сынъ,
 «Аль ты съ нашего крѣпкато го|рода изъ Вѣстракани?»
 Какъ проговорить дѣти|нушка незнаемъ человекъ:
 «Изъ тиху-то я Дону не казакъ|не казачей сынъ,
 «Я не съ вашего крѣпкаго го|рода, а изъ Вѣстракани
 «Я со Камы то со рѣки|Сеньки Разина сынъ.
 «Посулился мой-то ба|тюшко завтра въ гѣсти къ вамъ быть,
 «Вы умѣйте-тко моего ба|тюшка кормить его поить,
 «Вы кормить его поить|и честно жаловати».

Или наконецъ:

Ой ростужится расплатится|нашъ прусскѣй—нашъ прусскѣй,—нашъ
 прусскѣй король,
 А й сидючись то на укра|сушки ой на крутой—на крутой — горы,
 А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку на Берлинь — на
 Берлинь — городъ
 И на свою укрѣ|пушку на Берлинь да на Берлинь — на Берлинь —
 городъ:
 «Ты ли то укрѣпа|моя ты укрѣ—укрѣ—пушка,
 «Ты мой Берлинь|мой Берлинь—мой Берлинь—городъ!
 «А ты кому-то моя укрѣ|пушка — доставала—доставала—ласе?
 «Доставаласе да доставаласе моя укрѣ—укрѣ—пушка
 Ой царю бѣлому|ой царю — ой царю — бѣлому
 А какъ другому же генера|лушку Краснощо—Краснощо—кову и т. д.
 Иванъ Захаровъ.

Впрочемъ, въ Олонецкоѣ губерніи всѣ эти послѣдніе разряды пѣсенъ составляютъ весьма рѣдкое исключеніе въ массѣ

былинъ, сложенныхъ то чистымъ хореемъ съ дактилическимъ окончаніемъ, то хореемъ, смѣшаннымъ съ дактилемъ. Прислушиваясь къ этимъ былинамъ, записывая ихъ съ голоса сказителей, я вынесъ полное убѣжденіе, что тоническое стопосложеніе въ русскомъ стихѣ не есть изобрѣтеніе Ломоносова, а есть изобрѣтеніе самого русскаго народа, его коренное достояніе. Если Ломоносовъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ, примѣнилъ тоническое стихосложеніе къ нашей художественной поэзіи, то руководился ли онъ собственно подражаніемъ нѣмцамъ? Нѣтъ, какъ онъ самъ писалъ, первымъ и главнѣйшимъ его основаніемъ было то, что «россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству»; и когда Ломоносовъ съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ съ перваго же раза угадалъ въ стихѣ природное языка нашего свойство, то кто знаетъ, не слышался ли ему отзвукъ народныхъ былинъ, конечно знакомыхъ его уху: ибо и до сихъ поръ помнятъ на Выгозерѣ, что былины перешли туда съ Поморья? Надобно припомнить и то, что Ломоносовъ въ своей «версификаціи» отводитъ почетное мѣсто такъ-называемымъ имъ «тригласнымъ» римамамъ, т.-е. дактилическимъ; а дактиль на концѣ стиха — этого конечно онъ не могъ найти въ своихъ нѣмецкихъ образцахъ.

Да извинитъ меня читатель за это отступленіе отъ своего намѣренія держаться исключительно круга фактическихъ наблюдений и замѣчаній, не вдаваясь въ область личныхъ догадокъ и толкованій. У насъ до сихъ поръ къ сожалѣнію толкованіе народнаго эпоса черезъ-чуръ опережало и перевѣшивало его собранье. Надѣюсь, что меня не обвинятъ въ этой слабости, если я въ заключеніе моей длинной статьи представлю и съ своей стороны маленькую догадку о происхожденіи одного изъ богатырей нашихъ былинъ — Святогора. Всякій, конечно, чувствуетъ, что это имя искусственное, навѣянное сказаніемъ о томъ, что Святогоръ, какъ поется во всѣхъ о немъ былинахъ, жилъ на какихъ-то *Святыхъ-горахъ*, всякій чувствуетъ, что за этимъ именемъ скрывается что-либо другое. И вотъ одинъ изъ лучшихъ сказителей, слѣпой Иванъ Опоновъ, пропѣлъ въ былинѣ о нашествіи Батыги на Кіевъ:

А по грѣху ли то тогда да учинилосе,
 А ѿ богатырей во Кіевѣ не случилосе:
Святополкъ богатырь на Святыхъ на горахъ,
 А ѿ молодой Добрыня во чистомъ поли,
 А Алешка Поповичъ въ богомольной стороны,
 А Самсонъ да Илья у синя у моря.

Въ этомъ мѣстѣ другіе сказители поютъ «Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ». Я думалъ сперва, что ослышался или что Ѳепоновъ ошибся, и заставилъ его потому разъ пять повторить эти симые стихи; но онъ все твердилъ свое: «*Святополкъ* богатырь на Святыхъ на горахъ», и увѣрялъ меня при этомъ что такъ-молъ поется. Мнѣ сперва показалось это имя Святополка страннымъ, а теперь думаю, что оно имѣетъ значеніе. Вспомнимъ, что Святогоръ есть единственный богатырь, дружественный русскимъ, но нерусскій, богатырь, который «не ѣздилъ на Святую Русь», а къ которому, напротивъ, русскіе богатыри ѣздить на поклоненіе какъ къ старшему и сильнѣйшему; вспомнимъ, что онъ живетъ на горахъ, вспомнимъ его таинственное исчезновеніе,—всѣ эти черты получаютъ смыслъ только въ примѣненіи къ Святополку великоморавскому, этому древнѣйшему представителю славянской силы, этому легендарному герою, который уже въ разсказѣ Космы Пражскаго укрывается въ горы и тамъ кончается таинственною смертію.

Пусть читатель судить о степени вѣроятности этой гипотезы. Если же она подтвердится, то личность Святогора будетъ весьма важна, какъ звено, связывающее нашъ народный эпосъ съ древностью другихъ славянъ.

А. Гильфердингъ.

